

ЧЕХОВ И КУПРИН

Статья И. В. Корецкой

Публикация Н. И. Гитович

Переписка и личное общение с Александром Ивановичем Куприным относятся к последним четырем годам жизни Чехова. Еще в марте 1899 г. Чехов признавался Л. А. Авиловой: «Куприна я совсем не читал» (XVIII, 107). Судя по очерку Куприна «Памяти Чехова» (1904), знакомство писателей произошло в Одессе, где Чехов остановился, возвращаясь из Италии в феврале 1901 г. «Я его увидел впервые в общей зале „Лондонской“ гостиницы в Одессе», — вспоминал Куприн, передавая впечатление от внешнего облика Чехова, каким он запомнился ему в эту первую встречу¹. А. М. Федоров, который привел в тот день Куприна к Чехову, пожелавшему видеть кого-либо из молодых беллетристов, писал, что беседа шла о начинающих и малоизвестных авторах; потом Чехов рассказывал о своем детстве (А. М. Федоров. А. П. Чехов. — Сб. «О Чехове». М., 1910, стр. 289—290). Тогда же Куприн подарил Чехову «с чувством большой робости», как гласила дарственная надпись, свою первую книгу — сборник «Миниатюры», изданный за четыре года до того в Киеве. Надпись на книге была сделана 13 февраля². На другой день, 14 февраля, Куприн и Федоров провожали Чехова, уезжавшего пароходом в Ялту («Одесские новости», веч. прилож., 1901, № 5213, от 14 февраля; также: А. М. Федоров. Цит. изд., стр. 291). А 19 февраля он прислал им в подарок свои фотографические портреты (там же, стр. 301).

С весны 1901 г. имя Куприна часто мелькает в переписке Чехова. Именно с этой поры начинается то дружеское общение, о котором рассказал Куприн в очерке «Памяти Чехова» и писала позднее М. К. Куприна-Иорданская (М. К. Куприна-Иорданская. Из воспоминаний о Куприне. — «Огонек», 1948, № 38). «Куприн сидит у нас целый день, только ночует у себя», — писал Чехов О. П. Книппер 24 апреля 1901 г., а 2 мая сообщал: «Куприн (...) живет у нас» (XIX, 77 и 80).

Быстрое сближение с Куприным объяснялось не только внимательным отношением Чехова к талантливому молодому автору. Из младших современников Куприн ближе всех стоял к Чехову и по направлению своей писательской работы, и по приемам ее. Во многом был сходен с чеховским и путь Куприна в большую литературу.

Прежде чем попасть на страницы толстых журналов, Куприн, подобно молодому Чехонте, испытал тяготы газетной поденщины, писания, как говаривал Чехов, «roue manger», срочной, пестрой, полуреporterской работы. Можно указать на сходство газетных жанров у Куприна и Чехова: чеховский очерк типов Трубного рынка («В Москве на Трубной площади») предвосхищает «Киевские типы» Куприна. Примечательно, что и «восприимчик от литературной купели» был у них один и тот же — Л. И. Пальмин, поэт-искроводец, сотрудничавший в 1880-е годы в юмористических журналах. Заметив молодого Чехова среди «бездарной, бесцветной и жидкой бурды московской», Пальмин привел его в 1882 г. к редактору «Осколков» Н. А. Лейкину, а вскоре привлек в «Русский сатирический листок»; в 1884 г. там были напечатаны «Месть женщины» (за подписью «Анче») и «Ванька» (подписанный «А. Чехонте»). А через пять лет, в 1889 г., в этом журнале, благодаря посредничеству все того же Пальмина, увидел свет и первый рассказ девятнадцатилетнего Куприна «Последний дебют»³. Впоследствии, в юмореске «Первенец» Куприн вывел Людора Ивановича Пальмина под именем Ивана Людоровича Венкова. О Пальмине Чехов и Куприн беседовали в Ялте; Куприн

узнал черты быта Пальмина в описании жизни доктора Рагина из чеховской «Палаты № 6» (А. К у п р и н. Памяти Чехова.— «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 515).

Ко времени личного знакомства с Чеховым, т. е. к началу 1900-х годов, Куприн определился не только как писатель, идейно родственный Чехову своим демократизмом, своим неприятием действительности буржуазно-мещанской России,— но и как художник, шедший в искусстве близкими Чехову путями. После «Молоха», «Ночной смены», «Ночлега» современники справедливо считали Куприна беллетристом чеховской школы.

Уже в «Молохе» (1896) конфликт интеллигента-правдоискателя с буржуазной действительностью принял те же очертания, что и в произведениях Чехова. Инженер Бобров, испытывающий острое душевное страдание при виде тяжелого труда рабочих, близок герою «гаршинской закваски» из рассказа Чехова «Припадок» (1889). При всех различиях объекта критики, а также обстоятельств, в которых действуют Васильев и Бобров, их роднит «человеческий талант» обостренной, болезненной чуткости к социальному злу и вместе с тем полная неспособность к борьбе, та реакция «припадка», при которой вспышка негодования сменяется глубокой депрессией. И Чехов, и Куприн не скрывают ущербности такого протеста. Но обоим художникам дорог самый факт «несогласия» героя с уродливыми формами жизни, его страстный бунт среди всеобщего равнодушия к насилию и неправде.

Примечательно, что протестующие монологи героя «Молоха» близки речам чеховского студента не только по смыслу, но и по форме. Доводы Боброва, подсчитавшего, что на капиталистическом заводе «двое суток работы пожирают целого человека», напоминают рассуждения Васильева о том, что завсегдатаи домов терпимости в конечном счете «убивают вдвоем, втроем, вчетвером одну глупую, голодную женщину»⁴.

Сходство героя «Молоха» с чеховским правдоискателем отнюдь не исключало самостоятельности и своеобразия Куприна в критике капитализма. В «Молохе», созданном в пору бурного размаха пролетарской борьбы, резко отразился классовый антагонизм буржуазии и рабочих. «Мир придавленной силы» (выражение И. И. Горбунова-Посадова в письме к Чехову от 5 февраля 1894 г. о рабочих в рассказе Чехова «Бабе царство») на страницах «Молоха» уже заявлял о себе грозным восстанием. Дальше Чехова пошел Куприн в изображении «хозяев жизни», воплотив в образе Квашнина типические черты идеологии и практики русского капиталиста.

Весной 1901 г. на ялтинской даче Чехова Куприн писал свой рассказ «В цирке». Чехов с интересом следил за этой работой и даже давал указания относительно симптомов заболевания героя рассказа — борца Арбузова, погибшего от профессиональной болезни — расширения сердца (М. К. К у п р и н а-И о р д а н с к а я. Из воспоминаний о Куприне.— «Огонек», 1948, № 38). По-видимому, уезжая в мае в Москву, Чехов просил прислать ему «В цирке» по выходе из печати. 29 декабря 1901 г. Куприн писал, что скоро вышлет оттиск из январского номера журнала «Мир божий». В чеховской библиотеке сохранился этот оттиск с надписью Куприна: «Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову автор. 8 янв. <1902 г.>, СПб.» (С. Д. Б а л у х а т ы й. Библиотека Чехова.— Сб. «Чехов и его среда». Л., 1930, стр. 247). Чехов прочел «В цирке» «в один раз» (XIX, 368) и высоко оценил это произведение. Когда О. Л. Книппер предпочла эскиз Бунина «Осенью» (напечатанный в том же номере журнала), Чехов отвечал ей: «„Осенью“ Бунина сделано несвободной, напряженной рукой, во всяком случае, купринское „В цирке“ гораздо выше. „В цирке“ — это свободная, наивная, талантливая вещь, притом написанная, несомненно, знающим человеком» (XIX, 234). А 22 января Чехов сообщил Куприну, что «повесть „В цирке“ читал Л. Н. Толстой и <...> она ему *очень* понравилась», и советовал послать Толстому сборник («Миниатюры»), подчеркнув в заглавии лучшие вещи (XIX, 229). По-видимому, о рассказе «В цирке» Чехов беседовал с Толстым незадолго до того, 17 января, когда был у него в Гаспре (XIX, 224). Куприн не решился послать Толстому «Миниатюры», в которых наряду с такими сильными вещами, как «Дознание», «Ночлег», «Allez!», было действительно «много балласту» (письмо от февраля 1902 г.). Но сообщая Л. И. Елпатьевской о письме

Чехова с отзывом Толстого, Куприн не без гордости замечал: «Я знаю литераторов, которые отдали бы очень многое за такие строчки» (ИРЛИ, Р. III, оп. 2, ед. хр. 472).

Определив «В цирке» как вещь, написанную «знающим человеком», Чехов уловил характерную особенность всей прозы Куприна — ту достоверность изображения, которая достигалась не только зоркостью писательского зрения, но и всесторонним изучением изображаемого. Как по «Молоху» можно судить о жизни индустриального юга России в годы промышленной горячки, по «Ночной смене» — изучать быт царской казармы, так из рассказа об одном матче борца Арбузова можно было узнать во всех подробностях жизнь русского цирка того времени, с характерными для него жестокими обычаями, засильем иностранных антрепренеров, тяжелой эксплуатацией артистов.

Стремление Куприна к доподлинно-точному изображению жизни импонировало Чехову, который говорил о себе, что «старался, где было возможно, соотнобразяться с научными данными, а где невозможно — предпочитал не писать вовсе», и считал хорошую осведомленность в предмете непременным условием работы беллетриста: «...нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно <...>, что он имеет дело со сведущим писателем» (XVIII, 244).

Больше, чем кто-либо другой из младших современников Чехова, Куприн следовал его совету «ездить в вагонах третьего класса», т. е. погружаться в самую гущу жизни. По широте охвата русской действительности послечеховской поры Куприн приближался к Горькому.

По личным впечатлениям писал Куприн и второй рассказ, одобренный Чеховым — «На покое», в котором зарисовал уходящие типы русской провинциальной сцены. Рассказ был начат в Крыму летом 1902 г., и, по-видимому, послан в редакцию «Русского богатства» в начале августа, т. е. до возвращения Чехова из Москвы в Ялту (XIX, 316). 23 сентября Куприн в письме к Н. К. Михайловскому просил прислать корректуру, так как собирался «урезать» третью главу и изменить конец (ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 367). 25 сентября, когда Куприн ездил в Ялту к Чехову (XIX, 353), корректура еще не была получена; судя по письму Куприна от начала октября (письмо 5), беседа шла не о литературных, а о личных делах последнего. Только в конце октября Куприн смог послать Чехову корректуру «На покое» с просьбой указать на недостатки рассказа (письмо 6). 1 ноября Чехов ответил, что «повесть хорошая», от чтения ее он «получил истинное удовольствие» и в ней «недостатков нет» (XIX, 368). Однако письмо его содержало существенные замечания, касавшиеся трактовки образов, портретных характеристик, тона рассказа. «Героев своих, актеров, — писал Чехов, — вы трактуете по-старинке, как трактовались они уже лет сто всеми, писавшими о них; ничего нового. Во-вторых, в первой главе вы занятыписанием наружностей — опять-таки по-старинке, описанием, без которого можно обойтись. Пять определенно изображенных наружностей утомляют внимание и в конце концов теряют свою ценность. Бритые актеры похожи друг на друга, как ксендзы, и остаются похожими, как бы старательно вы ни изображали их. В-третьих, грубоватый тон, излишества в изображении пьяных...

Вот и все, что я могу сказать вам в ответ на ваш вопрос о недостатках...» (XIX, 369).

Как видно из письма Куприна от 6 декабря, он успел частично реализовать замечания Чехова перед сдачей в набор ноябрьской книжки журнала. Впоследствии текст рассказа подвергся неоднократной стилистической правке (для издания его в «Знании», «Мире божьем», «Московском книгоиздательстве», издательстве А. Ф. Маркса).

В рассказе «На покое» Куприн затронул близкую Чехову тему «актерской гибели», столь характерную для русской театральной жизни конца XIX в., с прогоравшими антрепризами, бродячими группами, с все возрастающей зависимостью актера и театра от подачек купца-благотворителя, самодура-мецената. Конец трагика Славянова-Райского — это во многом типичный удел русского таланта, погибшего в неблагоприятной среде.

Есть все основания думать, что Чехов и Куприн в своих ялтинских беседах не раз говорили о театре. Оба знали русскую театральную провинцию, ее быт, колоритные фигуры. Чехов хорошо помнил таких трагиков, как Иванов-Козельский (ему

посвящен фельетон Чехова «Гамлет на пушкинской сцене», 1882) и Любский, о которых писал Куприн в рассказе «Как я был актером». По свидетельству П. Н. Орленева, Любский играл в Ялте (по-видимому, летом 1901 г.) в спектакле, организованном Чеховым в пользу туберкулезных больных (П. Н. Орленев. Мои встречи с Чеховым. — «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 426—428). Общим знакомым Чехова и Куприна был известный актер, режиссер и антрепренер Н. Н. Соловцов. Чехов, познакомившись с Соловцовым еще в Таганроге, весьма ценил его мастерство, посвятил ему водевиль «Медведь», встречался с ним в Москве в 1888—1889 гг., долго переписывался, тяжело переживал его смерть. Куприн хорошо знал Соловцова по Киеву, в 1890-е годы был частым посетителем его театра. О Соловцове вспоминал Куприн в письме к Чехову от декабря 1901 г., сравнивая его по манере держаться на сцене со Станиславским. Это купринское сопоставление Чехов потом повторил в письме к Книппер (XIX, 193).

Чехов охотно слушал рассказы Куприна (незадолго до того прослужившего год в мелкой украинской труппе) о правах провинциального театра; один из таких рассказов он даже внес в свою записную книжку (XII, 259. Об этом эпизоде см. также в очерке Куприна «Памяти Чехова». — «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 520). По-видимому, оба сходились в своей неприязни к жизни богемы, к некультурности, отсталости театральной среды. Позже, в рассказе «Как я был актером» (1906), Куприн сочувственно повторял чеховские слова: «Более актера истеричен только околоточный. Посмотрите, как они оба в дарский день стоят перед буфетной стойкой, говорят речи и плачут» (Соч., т. IV, стр. 135).

Актерские данные самого Куприна Чехов ценил настолько, что советовал ему поступить в Художественный театр (см. письмо, датируемое не ранее 9 мая 1901 г. и от 1 декабря 1901 г.). Посмотрев в Москве осенью 1901 г. «Чайку», «Дядю Ваню», «Трех сестер», Куприн в письме к Чехову детально разбирал постановку и игру «художественников». Высоко оценивая мастерство Станиславского, Москвина, Книппер, Саина, Куприн считал, что рядовому составу труппы не удалось преодолеть сценические штампы. И даже склонен был утверждать, что «прославленная реформа совсем не коснулась среднего и маленького актеров» (письмо от декабря 1901 г.). Вряд ли Чехов разделял такую оценку, но в письме к Книппер он сообщил о критическом отношении Куприна к спектаклям Художественного театра (XIX, 193). Куприн не раз выступал с публичным чтением рассказов Чехова (письма от 10 февраля 1903 г. и от мая 1904 г.), играл в любительских спектаклях роли Чубукова в «Предложении» и Астрова (письмо его к В. А. Тихонову от сентября 1907 г. — ЦГАЛИ, ф. 240, оп. 1, ед. хр. 71).

Одновременно с рассказом «На покое» осенью 1902 г. Куприн писал «Болото». Основу этого рассказа составили впечатления от поездки летом 1901 г. в лесную глушь Рязанской губернии, которыми Куприн делился в письме к Чехову (от 29 декабря 1901 г.). Герой рассказа, студент Сердюков, убежденный противник цивилизации, которого умиляет патриархальный деревенский уклад, «циклопические» орудия крестьянского труда, сталкивается с реальной жизнью мужика. Его ужасает убогий нищенский быт, суеверия, а главное — рабская покорность крестьянина своей участи. Гибнущая от болотной лихорадки семья лесника олицетворяет в его глазах судьбу всей голодной, разоренной, вымирающей деревни. «К чему эта жизнь?.. Кому нужно это жалкое, нечеловеческое прозябание?» — говорит «со страстными слезами на глазах» купринский студент. — «Какой ответ, какое оправдание может дать судьба в их страданиях?» (Соч., т. III, стр. 85).

«Болото» близко к «проблемной» новелле Чехова⁵. История купринского студента — тот же «случай из практики», когда взору честного, думающего человека внезапно открывается вопиющее противоречие жизни, которое переворачивает душу, лишает покоя. Как и в рассказах позднего Чехова, в «Болоте» несложный повествовательный материал таит глубокое содержание: конфликт здесь питают не внешние события, а тот идеологический сдвиг, то пробуждение «социальной тревоги», которое происходит в сознании героя. Куприн сам определял «Болото» как рассказ, смысл которого не в сюжете, а «в настроении» (письмо к Н. К. Михайловскому от сентября 1902 г. — ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 367).

Характеризуя замысел своего рассказа «Припадок», Чехов говорил, что хотел бы написать его так, чтобы произвести «гнетущее впечатление» (XIV, 168). теми же словами («гнетущее впечатление, похожее на <...> виноватую жалость») обозначил и Куприн настроение, которое пронизывало его рассказ (Соч., т. III, стр. 80).

Как и многие чеховские лирические новеллы, «Болото» кажется незаконченным, лишенным развязки. Все так же безропотно отправляется в ночной обход Степан, по-прежнему покорно несет бремя тяжелой и опасной жизни на болоте его семья, все так

ЧЕХОВ

Рисунок Н. З. Панова, 1903 г.

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится с репродукции в «Живописном обозрении», 1904, № 40

«Резко обозначились на лице складки, появились новые тени, придающие лицу сухой и озабоченный характер». (Из воспоминаний Н. З. Панова «Сеанс»)

же молчит и хмурится лес. Но сдвиг есть: беспокойная мысль уже овладела сознанием героя; протест против неправды жизни становится для него теперь главным убеждением, наряду с верой в новую, достойную человека жизнь, которая скоро озарит с «ликующим торжеством победы» тусклые берега (там же, стр. 86). Финал «Болота» с его сменой настроения, переключением в новый эмоциональный тон напоминает лирические концовки таких произведений Чехова, как «Студент», «Случай из практики», «Свирель», «Счастье», «Огни», «Гусев».

В одном из первых писем к Чехову Куприн назвал его учителем жизни. Сделанное в полшутливой форме, это признание отражало действительное положение вещей. Из публикуемых писем видно, что за помощью и советом Куприн обращался к Чехову

и в вопросах своей творческой работы, и в житейских делах. Вместе с тем письма Куприна были для Чехова в его ялтинской «ссылке» одним из источников сведений о происходящем в России. Наряду с литературными новостями значительное место в них занимают сообщения о политических событиях. Куприн пишет о готовящихся в Петербурге студенческих «беспорядках» (письмо от 29 декабря 1901 г.), рассказывает о зверском убийстве офицером студента на Невском (письмо от декабря 1901 г.), сообщает об учиненном Плеве разгоне комитета по устройству юбилея печати (письмо от начала января 1903 г.), упоминает о кипшинском погроме (письмо от 19 апреля 1903 г.). Пронически отзываясь Куприн (в письмах от декабря 1901 г. и февраля 1902 г.) об организованном в Петербурге религиозно-философском обществе, в котором рядом с Мережковским, Розановым, с преосвященным Сергием и «лицами иисусовой пехоты» заседает В. С. Миролюбов, прогрессивно настроенный литератор, издатель массового демократического журнала. Как известно, вступление Миролюбова в религиозно-философское общество вызвало резкую отповедь Горького и осуждение Чехова. Отзыв о членах религиозно-философского общества в письме Чехова к Миролюбову от 17 декабря 1901 г. (XIX, 195) близок мнению о них Куприна⁶.

Период, к которому относится публикуемая переписка, был временем сближения Куприна с горьковским книгоиздательством «Знание». С радостью писал Куприн Чехову, что «Знание» купило у него книгу рассказов, и гордился, что сможет «выйти в свет под таким флагом» (письмо от 6 декабря 1902 г.). В том же письме Куприн сообщил, что познакомился с Горьким и слушал его рассказы «о молоканах, о духоборах, о сормовских и ростовских беспорядках»⁷.

Свой первый «знавьевский» том Куприн хотел посвятить Чехову, «поставить вперед дорогое <...> литературное имя» (письмо, датированное декабрем 1901 г., и от 29 декабря 1901 г.). Как видно из письма Куприна от 29 декабря 1901 г., Чехов советовал издать книгу как можно проще и оставить без посвящения. 10 февраля 1903 г. Куприн послал Чехову свой сборник, в который вошли «Молохо», «Ночная смена», «Одиночество», «Ночлег», «Лесная глушь», «Дознание», «В цирке», «На покое». В библиотеке Чехова сохранился этот экземпляр с надписью рукой Куприна: «Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову на добрую память от вечно и неизменно преданного ему А. Куприна. 1903, 9 февр. СПб.» (С. Д. Б а л у х а т ы й. Библиотека Чехова. Цит. изд., стр. 247).

Мнение Чехова о первом томе рассказов Куприна в переписке Чехова не отразилось. По-видимому, оно было высказано Куприну при личной встрече, которая произошла в Ялте месяц спустя, в марте 1903 г., ибо и в эти последние годы жизни Чехов не переставал интересоваться работой Куприна и откликами на его произведения. С удовлетворением писал он Куприну о том, что отдельные его выражения (из рассказов «Ночлег» и «Булавин») входят в литературную речь и уже зафиксированы словарем русского языка, издаваемым Академией наук (XX, 39). В письме от 22 апреля 1903 г., написанном вскоре после отъезда Куприна из Крыма, Чехов сообщил ему, что Вересаев очень хвалил его рассказ «Трус» (XX, 87).

Последними произведениями, написанными Куприным при жизни Чехова и упоминавшимися в их переписке, были «Мирное житие» и «Корь».

Рассказ «Мирное житие» (1904) с его центральной фигурой гимназического учителя в отставке, держащего в страхе жителей провинциального городка, критика сравнивала с «Человеком в футляре». Однако, родственные в тематическом отношении, эти произведения различны по художественной манере. На это различие указывал В. В. Воронский: «Чехов реагирует более нервно и отвечает на пошлость ударом сарказма, Куприн же спокойнее — и самую мерзостную пошлость описывает сдержанно, чисто эпически» (В. В. В о р о н с к и й. Литературно-критические статьи. М., 1956, стр. 277).

В образе Наседкина нет сатирических красок, которыми написан Беликов. Житие реакционного мещанина Куприн рисовал здесь в подчеркнуто «мирных» тонах, постепенно обнажая прячущегося под благолепной личиной ростовщика, кляузника, «доносчика по призыванию» (выражение Короленко в рецензии на второй сборник «Знания». — «Русское богатство», 1904, № 8, отд. II, стр. 148).

В центре рассказа «Корь» (1904), как и в «проблемной» новелле Чехова, — идейный спор, столкновение двух мировоззрений. Студент-репетитор Воскресенский, у которого

прорывается долго сдерживаемая ненависть против его нанимателя, заводчика Завалишина, обличает в его лице антинародную, лжепатриотическую идеологию русской буржуазии, ее «свиное презрение к инородцам, восторг перед мощью русского кулака». Купринский студент выступает против Завалишина с такой же беспощадной резкостью, как чеховский доктор Михаил Иванович, клеймящий в споре с княгиней ее паразитическую, нечистую жизнь (рассказ «Княгиня»), или как скромный труженик Кириллов, защищающий свое достоинство от посягательств светского пошляка Абогина («Враги»). Но в «Кори», писавшейся в предреволюционной атмосфере, чеховская тема идейного спора получает интенсивную политическую окраску: Воскресенский осуждает не только паразитизм и тунеядство верхов, их фальшивую игру в демократизм (как это делает чеховский доктор в рассказе «Княгиня»), но и обличает определенную классово-политическую программу капиталиста-черносотенца, говорит о непримиримых противоречиях народа и буржуазии.

По выходе апрельской книжки «Мира божьего», где была напечатана «Корь», Чехов писал Куприну 5 мая 1904 г., что собирается познакомиться с его рассказом (XX, 280). Недовольный «Корью» и «Мирным житием», Куприн просил Чехова не читать этих вещей (письмо, датируемое маем 1904 г.). По-видимому, Чехов успел прочитать «Мирное житие», печатавшееся во втором сборнике «Знания» вместе с «Вишневым садом». К тому же времени относится и высказанная в беседе с Е. П. Карповым общая оценка Чеховым творчества Куприна как писателя, который, подобно Горькому и Андрееву, «останется в истории литературы» (Евт. П. Карпов. Две последние встречи с А. П. Чеховым. — «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 576).

* * *

Рассказывая в одном из писем о последнем прощании с Чеховым, Горький писал: «Мне страшно понравился Куприн, — на похоронах это был единственный человек, который молча чувствовал горе и боль потери. В его чувстве было целомудрие искренности. Славная душа!»⁸. Вскоре после похорон, в июле 1904 г., Куприн предложил «Знанию» выпустить сборник, посвященный Чехову. Приглашая Бунину участвовать в сборнике, Горький писал ему в июле 1904 г.: «В Москве Куприн, Пятницкий задумали издать в память Антона Павловича книгу, доход с которой <...> употребить на памятник ему или на что-нибудь в этом роде. <...> Каждый из нас напишет что-нибудь лично о Чехове — разговор с ним, первое знакомство, воспоминание о каком-нибудь дне, совместно прожитом, и, кроме того — даст рассказ. Куприн даст повесть свою „Поединок“ — большая вещь» (Архив А. М. Горького, ПГРЛ 7-8-16). Горький подчеркивал полемические цели этого объединенного выступления писателей, близких Чехову: «Нужно же создать противовес пошлости газетных „воспоминаний“, нужно по мере сил постараться показать Чехова без фальши — чистого, ясного, милого, умного. Тяжело, грубо ударила меня его смерть, хоть и ждал я ее» (там же).

По первоначальному плану, составленному Горьким и Куприным в начале июля в Москве, было решено посвятить Чехову очередной, третий сборник «Знания» (письмо Куприна к Горькому от середины августа 1904 г. — Архив А. М. Горького, КПП 41-10-1); к участию в нем, кроме Куприна, Горького и Бунина, предполагалось привлечь Скитальца и Андреева.

Оповещая Куприна о ходе работ по сборнику, Горький писал: «Дорогой товарищ, мне кажется, что в наш план сборника едва ли войдут какие-либо изменения, по крайней мере Андреев принял его целиком, т. е. напишет и рассказ, и лично об Антоне Павловиче какую-то заметку или очерк. У него должно выйти хорошо: он понимает силу пошлости и ненавидит ее всей душой⁹. От Бунина я еще не имею ответа, но жду — утвердительного, он ведь и любит Антона Павловича, и хорошо знал его. Я отдам в сборник своих „Дачников“, знаю, что у Бунина есть готовые рассказы, и думаю, он даст штуки две своих милых стихотворений. Может быть, мы поместим еще стихи Скитальца на смерть Антона Павловича, очень сильные, искренние стихи! Они теперь немножко неуклюжи, я послал ему их обратно с просьбой исправить. Так что — как видите — дело идет на лад» («Горьковская коммуна», 1946, № 151, от 27 июня). К работе над воспоминаниями Куприн пригласил раньше других участников организуемого сборника. Около

20 июля он сообщал Пятницкому: «Я написал о Чехове, но храню эту статью только как схему для будущего. Вышло до нелености по-газетному, хотя я и вместил туда все, что мне кажется важным и нужным. Вся беда в том, что невольно читаешь в газетах, что пишут о Чехове, и заражаешься этим проклятым шаблонным языком. Очевидно, надо переждать, пока это не уляжется» (Архив А. М. Горького, ф. «Знания»). Одновременно Куприн сообщил Горькому, что писать о Чехове ему «трудно, главным образом, оттого, что многое лезет в голову из газет и делает работу неприятной» (там же, КГП 41-10-1). «...что вы отложили работу над воспоминаниями об Антоне Павловиче, — писал Горький, — это хорошо. Меня постигла та же участь, что и вас: начал писать, но, вижу, получается сплошной ряд нелестных комплиментов газетчикам и публике, жестокая ругань, грубая и неясная. Нужно дать устояться впечатлениям, пускай все мутное оседет» («Горьковская коммуна», 1946, № 151, от 27 июня). Тогда же Горький писал Бунину, что целиком разделяет «полемиический тон» первого варианта воспоминаний Куприна, вынужденного на время прекратить работу: «То же случилось и со мной, — впечатления похорон еще не улеглись, и пишется все больше о людях, оскорбивших Чехова своим присутствием над его могилой, чем о нем, о его светлой душе, полной любви, нежности, грусти, о его уме — тонком и остром» (Соч., т. 28, стр. 312). О пошлости и равнодушии публики, хоронившей Чехова, Горький хотел писать статью «Чудовище» (письмо Горького Е. П. Пешковой от июля 1904 г. — Там же, стр. 311).

Второй вариант воспоминаний о Чехове, писавшийся одновременно с «Поединком», Куприн закончил не позднее сентября 1904 г. «Статью о Чехове вышло на днях, — писал он Пятницкому. — К концу сентября повесть «Поединок». — *И. К.*» у меня будет непременно готова. Мне бы очень хотелось, все-таки, попать в III том» (Архив А. М. Горького, ф. «Знания»). 23 октября он запрашивал Пятницкого о судьбе посланных ему рукописей «Памяти Чехова» и новых глав «Поединка», а также интересовался мнением о них Горького (комментарий Пятницкого к рукописи «Поединка». — ЦГАЛИ, ф. 240, оп. 1, ед. хр. 2). «Куприн очень мило написал о Чехове, — сообщил тогда же Горький Е. П. Пешковой, — кажется, сборник будет весьма интересен» (Собр. соч., т. 28, стр. 326). В конце октября Пятницкий сдал статью Куприна в печать, а с 30 января 1905 г. оттиски «Памяти Чехова» уже рассылались издательством (Архив А. М. Горького, ф. «Знания»). Тогда же статья Куприна вместе с мемуарным очерком о Чехове Бунина вышла в свет в составе третьего сборника товарищества «Знания»¹⁰.

Купринские воспоминания были сразу же выделены критикой из потока мемуаров о Чехове. «После очерка Вл. Г. Короленко <...> самым значительным из всего, напечатанного по поводу кончины Чехова, представляются нам воспоминания г. Куприна, — писал в рецензии на третий сборник «Знания» Ф. Д. Батюшков. — Из ряда метко схваченных <...> черт, характеризующих различные свойства Чехова <...> отношение к людям <...> приемов творчества получается крайне ценный материал для будущего биографа Чехова и исследователя его произведений» («Мир божий», 1905, № 3, «Библиографический отдел», стр. 92, 91).

Разумеется, значение воспоминаний Куприна заключалось не только в точности и равносторонности его наблюдений. В условиях обострившейся накануне 1905 г. литературной борьбы вокруг чеховского наследия особенное значение приобретало то, что Куприн выступал за правильное истолкование общественной позиции Чехова. Созданный им литературный портрет нарушал представление об аполитичном художнике, глубоко безразличном к вопросам «борьбы и протеста». Рисуя Чехова в центре «человеческого круговорота», жадно впитывавшим все, что касалось общественной жизни России, получавшим впечатления «из первых рук» благодаря неустанному личному общению с представителями самых разных социальных слоев страны, Куприн утверждал, что Чехов жил большими «жгучими вопросами современности»: «...он волновался, мучился и болел всем тем, чем болели лучшие русские люди». Для характеристики отношения Чехова к «глупостям русской действительности» (как приходилось именовать по цензурным причинам самодержавный произвол) Куприн в своем очерке впервые предал гласности письмо Чехова в Академию наук от 25 августа 1902 г. с отказом от звания почетного академика в связи с аннулированием выборов Горького. Куприн

справедливо оценивал этот документ не только как акт личного благородства, но и как свидетельство большого гражданского мужества¹¹.

Говоря в воспоминаниях о благожелательном и чутком отношении Чехова к молодым писателям, Куприн воспроизвел, не называя имен, историю своего общения с Чеховым в ялтинский период. Под видом писем к одному начинающему автору он опубликовал письма к нему Чехова, а также ввел в текст очерка некоторые эпизоды, о которых писал Чехову сам (в письмах от мая и декабря 1901 г.). От литературного портрета Чехова, написанного Буниным, купринские мемуары отличала особая теплота и задушевность интонации. Очерк Куприна открывался лирическим зачином, в котором отеческая грусть о разлуке с матерью перекликалась с переживаниями по поводу утраты Чехова.

В изображении Куприна Чехов предстал человеком широких интересов, восторженным поклонником науки, внимательно следившим «за новыми путями, пролагаемыми человеческим умом и знанием» (А. Куприн. Памяти Чехова.— «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 499). Куприну была близка чеховская тема «сада», украшения земли свободным человеком и его «мысль о красоте грядущей жизни», о гармоничном и полноценном бытии будущих людей.

В мировоззрении и творчестве Чехова Куприн подчеркнул такие близкие ему самому черты, как глубокий демократизм, уважение к маленькому человеку хорошее знание быта, психологии, языка самых различных слоев народа. Из чеховских требований к беллетристу Куприн не случайно акцентировал «объективность» письма, которая предполагает обязательное для художника умение подняться над изображаемыми явлениями, «глядеть на них как бы с презрением, сверху вниз». Творческой манере Куприна был родствен тот «глубоко человеческий объективизм», в котором Горький видел отличительную черту произведений Чехова (М. Горький. По поводу нового рассказа А. П. Чехова «В овраге». — Соч., т. 23, стр. 317).

Сборник «Знания» с воспоминаниями Куприна вышел в свет в начале 1905 г., а в июле, в день годовщины смерти писателя, была опубликована вторая статья Куприна «Памяти Чехова» (А. Куприн. Памяти Чехова.— «Наша жизнь», 1905, № 140, от 2 июля). Написанная автором «Поединка» в накаленной общественной атмосфере лета 1905 г., эта статья в яркой публицистической форме ставила вопрос о Чехове и современности. Обозревая прошедший со дня гибели Чехова «студовищный, кровавый, бессонный и безумный» год войны, Куприн писал, что действительность подтвердила правоту социальных обобщений художника: в японской катастрофе были повинны та страшная отсталость низов и паразитизм верхов, о которых говорили произведения Чехова. «С мукдвских полей и сопок бежали, топча друг друга, в безумной панике: чеховский мужик, оголодавший, одичавший, ослепленный тьмою и рабством; чеховский мещанин, развращенный жизнью городских окраин; чеховское милое, доброе, нелепое, вымирающее, слабосильное дворянство, чеховский чиновник, офицер, интеллигент, разъеденные ничегонеделанием, выпивкой, винтом, сплетней, самохвальством, пустотой и бесстыдной ленью. И это Вершинины пускали пули себе в лоб на батареях, и его Астровы сходили с ума, подавленные ужасами кровавого побоища» (там же). Чеховский социально-политический анализ Куприн уподоблял медицинскому диагнозу: «Он (Чехов), как врач, вооруженный громадным знанием, чуткостью, хладнокровным опытом и необычайной наблюдательностью, вдумчиво прислушивался к течению русской жизни и рассказывал нам о наших болезнях: о равнодушии, лени, невежестве, грязи, халатности, мелком зверином эгоизме, трусости, дряблости»¹².

Куприн подчеркивал, что действительность «мрачного, тупого безвременья» определила краски чеховских полотен: «Не его вина, если эта (русская. — И. К.) жизнь в художественном изображении выходила серой, тоскливой, низменной, неустроенной и дикой. Арестантского халата не напишешь кармином и берлинской лазурью». Не скрывая исторической ограниченности позиции Чехова, который «не досказывал, что одряхлевшему (...) больному всего нужнее недоступный для него свободный воздух и быстрые, сильные движения», т. е. освободительная борьба, Куприн подчеркивал социальный оптимизм Чехова, напоминал о его твердой вере в конечное торжество правды: «Мы вздохнем радостно могучим воздухом свободы и увидим над собою небо в алмазах. Настанет

прекрасная новая жизнь, полная веселого труда, уважения к человеку, взаимного доверия, красоты и добра» («Наша жизнь», 1905, № 140, от 2 июля). Именно эту свободную эру Куприн считал тем временем, когда имя Чехова станет бессмертным.

В отличие от очерка 1904 г., во второй статье о Чехове нет попыток заглянуть в творческую лабораторию писателя, раскрыть тайны его искусства. Но здесь дана общая характеристика стиля Чехова, его пейзажного мастерства, особенностей поэтической речи. Заметки о языке и стиле Чехова содержались также и в отрывках из записных книжек Куприна, опубликованных в связи с пятидесятилетием со дня рождения Чехова в 1910 г. (А. К у п р и н. О Чехове. — «Одесские новости», 1910, № 8018, от 17 января; А. К у п р и н. Собр. соч., т. VII. СПб., 1912). По мнению Куприна, Чехов более чем кто-либо другой из классиков выявил великие возможности русского языка, не прибегая к словотворчеству, лишь благодаря постоянному собиранию и накоплению речевых богатств и упорной работе над словом. В образной форме сопоставлял Куприн стиль Толстого, эту «постройку, возводимую великанами», с «нежным плетением» прозы Чехова.

Опровергая ходячее представление о Чехове, как только о юмористе, «смешном писателе», Куприн говорил о трагической основе чеховского юморизма, разделявшего общее «свойство русского юмора — таить в себе горечь и слезы». «Разве, в конце концов, не трагичен образ чиновника, который нечаянно чихнул на лысину чужого генерала и умер от перегуга, или мужика, бессознательно отвинтившего рельсовые гайки на грузила и не понимающего, за что его судят?». Эту характеристику чеховского юмора Куприн повторил и в одной из статей 1915 г. Ставя рядом произведения Чехова и страшные своей правдой картины Глеба Успенского, Куприн писал: «Нам вовсе не смешон покойный великий Чехов: помещик купается в реке в присутствии чопорной англичанки (...), мужик отвинчивает железнодорожную гайку, нужную ему как рыболовное грузило (...), земский врач, которого, больного тифом, вызывают спешно для прекращения дамской истерики»¹³.

В статьях и выступлениях о Чехове¹⁴ Куприн не раз говорил о высоком нравственном авторитете личности Чехова, чья жизнь, как и жизнь Гаршина и Глеба Успенского, была моральным образцом, примером для русского писателя. Явления литературного разброда, падение нравов писательской среды в пору реакции после 1905 г. Куприн готов был связывать с тем, что не стало Чехова: «Точно, вот, ушел он, и вместе с ним исчезла последняя препона стыда, и люди разнуздались (...). Конечно, здесь нет связи, а скорее совпадение. Однако я знаю многих писателей, которые раньше задумывались над тем, что бы сказал об этом Чехов? Как поглядел бы на это Чехов?»¹⁵.

* * *

В одной из бесед 1908 г. Толстой, противопоставляя Куприна современным писателям, которые «гужатся» и «выдумывают», говорил, что Куприн — «как бывало Чехов — возьмет и нарисует картину так, что вы и обрадуетесь и задумаетесь...»

Определяющее воздействие на творчество Куприна чеховских идейно-художественных принципов неоднократно отмечалось в критике¹⁶.

Вопрос о преемственных связях Куприна с Чеховым интересовал В. В. Воровского. В статье «А. И. Куприн» (1910) он писал, что этот художник более других современников унаследовал «идейное настроение» Чехова, «насквозь пропитанное верой в то, что „лет через 200—300“ жизнь станет прекрасной» (В. В. В о р о в с к и й. Цит. изд., стр. 274). Сопоставляя произведения обоих писателей, Воровский выявлял свойственный им пафос «освобождения человеческого чувства» от «цепей рабства и пошлости». Однако Воровский был неправ, когда ограничивал протест Чехова и Куприна только сферой «внутреннего, духовного» освобождения личности, не указывая на социальные задачи, решенные создателем «Угтера Пришибеова» и автором «Поединка». Общность Куприна и Чехова Воровский усматривал в том, что «оба они аполитики», ибо не вносят в свое творчество политических симпатий.

Неточным было и противопоставление Чехову-юмористу Куприна, который «всегда серьезен в изображении жизни», «никогда не смеется». Среди многообразных художественных форм купринской критики действительности имели место и юмористиче-

РАССКАЗ А. И. КУПРИНА «В ЦИРКЕ» (ОТТИСК ИЗ ЖУРНАЛА «МИР БОЖИЙ», 1902, № 1) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ЧЕХОВУ:

«Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову, автор. 1902. 8 янв. СПб.»

Литературный музей Чехова,
Таганрог

ВЪ ЦИРКѢ.

Докторъ Луховицкинъ, считавшійся послѣднимъ врачомъ при циркѣ, велѣлъ Арбузову родиться. Несмотря на свой горбъ, а можетъ быть именно вслѣдствіе этого недостатка, докторъ питалъ къ цирковымъ артистамъ острое и нѣсколько смѣшное для человѣка его вѣрста любовь. Правда, къ его медицинской помощи прибѣгали въ циркѣ очень рѣдко, потому что въ этомъ мѣрѣ дѣлать ошибки, выводить изъ обморочнаго состоянія и вправлять вывихи своими собственными средствами, передающимися неизменно изъ поколѣнія въ поколѣніе, вѣрнѣе, со времени одного вечераго представленія. Знать близко всѣхъ выдающихся вѣдѣльцовъ, акробатовъ и жонглеровъ и цѣловать въ разговорѣхъ словечками, выхваченными изъ лексикона цирковой арены и конюшни.

Но изъ всѣхъ людей, пречастнѣе цирку, атлету и профессиональнымъ борцамъ вызвали у доктора Луховицкина особенное восхищеніе, достигавшее размѣровъ настоящей страсти. Поэтому, когда Арбузовъ освободившись отъ крахмальной сорочки и сивы влажную фуфайку, которую обязательно носить всѣ цирковичи, остался голымъ до пояса, маленький докторъ отъ удовольствія даже потерялъ лады и лады, обходя атлета со всѣхъ сторонъ и любя его огромнымъ, выхоложеннымъ, блестящимъ, блѣдно-розовымъ тѣломъ, съ рѣзко выступающими буграми твердыхъ, какъ дерево, мускуловъ.

— И циркъ же нашъ восьмью какалъ свитцки! — говорилъ онъ, тискавъ изъ всѣхъ силъ своими толстыми, цѣпкими пальцами попеременно то одно, то другое плечо Арбузова. — Это ужъ что-то даже не человѣческое, а лошадиное, ей Богу. На вышней стѣнѣ хоть сейчасъ лекцію по анатоміи читай — и атлета никакого, не нужно. Ну ка, дружокъ, сообрази ха руку въ лѣтѣ.

Атлетъ издохнулъ и сильно поблоскался на свою лѣвую руку,

ское осмеяние («На покое», «Как я был актером») и сатирическое обличение («Исполнены», «Механическое правосудие», «Свадьба»).

Весьма плодотворным в статье Воровского было то, что он не только отметил общность тематики Чехова и Куприна («жизнь маленького, среднего, серого человека»), но, главное, подчеркнул их близость в аспекте изображения этой среды («насмешливое, но в то же время сострадательное отношение» к жертвам жизни). Это указание на чеховский аспект темы маленького человека выделяло Куприна из круга писателей-реалистов демократического направления (например, «знаньевцев»), избравших ту же тематическую сферу.

Мысль Воровского об идейно-художественной общности Чехова и Куприна может быть конкретизирована при сопоставлении проблематики их произведений.

Одной из важных тем позднего творчества Чехова была тема духовного «прозрения» среднего человека, который, задумавшись над противоречиями жизни, осознает существующий порядок вещей как несправедливый, бесчеловечный. Чехову был дорог образ демократического интеллигента, становящегося судьей паразитического, пошлого, давящего личность буржуазно-мещанского уклада.

В герое «Поединка» есть черты чеховских правдоискателей. Судьба Ромашова, томящегося в окружении таких же Федотиков и Соленых, страдающего от пошлости и бессмыслицы жизни, аналогична положению чеховского Вершинина. Родствен чеховскому и подход Куприна к своему герою. Это то «насмешливо-сострадательное» отношение (Воровский), совмещающее симпатию с иронией, которое окрашивает образы Вершинина или Пети Трофимова, близких автору своей человечностью, верой в будущую «полную, умную и смелую жизнь», но смешных и жалких своей пассивностью, неумением перейти от прекраснодушных мечтаний к делу.

Характер драматического конфликта в «Поединке», где герой сталкивается с реакционными силами своей же социальной группы, где миру несправедливости противо-

поставлен не борец, а слабый мечтатель, сходен с обычным конфликтом чеховских повестей. Такой конфликт, равно как и мотив «прозрения» среднего человека, были более типичны во времена Чехова, чем в 1905 г. Но созданный в условиях революционной ситуации «Поединок» впитал в себя черты общенародного протеста против царизма. Обличение купринским правдоискателем реакционной военной касты переросло в политически острое выступление против всего самодержавно-бюрократического порядка.

Как и в повестях Чехова, в «Поединке» важной художественной задачей явилось изображение эволюции сознания героя, вступившего в столкновение со средой. Если предметом психологического анализа Толстого являлся, как правило, духовный и душевный мир представителя «верхов», который «выламывается» из рамок своей социальной группы (Нехлюдов, Левин, отец Сергий, Безухов), то Чехов (а за ним и Куприн) распространили приемы анализа «ломающейся», меняющейся психики на внутренний мир простого человека. Ромашов, мелкий городской интеллигент в мундире подпоручика захолустного полка, человек рядовых способностей, средних интеллектуальных данных близок именно чеховским персонажам¹⁷.

Внутренние монологи «прозревшего» героя, отрицающего уродливую действительность, задуманного о смысле жизни и назначении человека, в произведениях Чехова и Куприна близки не только по содержанию, но и по эмоциональной окраске, синтаксической структуре, ритмическому строю. Гуров в «Даме с собачкой», который все чаще размышляет «о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве», постепенно осознает, что его окружает непроходимая трясина обывательщины: «Какие дикие нравы, какие лица! Что за бестолковые ночи, какие неинтересные, незаметные дни! Неистовая игра в карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры все об одном <...> какая-то куцая, бескрылая жизнь, какая-то чепуха, и уйти и бежать нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме, или в арестантских ротах!» (IX, 366).

Ромашов, который проникается отвращением к жизни «однообразной, как забор, и серой, как солдатское сукно», думает о ней с той же тоскливой ненавистью: «Что за жизнь! Что-то тесное, серое и грязное... Эта развратная и ненужная связь, пьянство, тоска, убийственное однообразие службы, и хоть бы одно живое слово, хоть бы один момент чистой радости. Книжки, музыка, наука — где все это?» «Сегодня напьемся пьяные, завтра в роту — раз, два, левой, правой, — вечером опять будем пить, а послезавтра опять в роту. Неужели вся жизнь в этом? Нет, вы подумайте только — вся, вся жизнь!» (Соч., т. III, стр. 402, 404).

Этот пробивающийся сквозь повествование «трепещущий лиризм», который «влиивается <...> именно в вопросе о „смысле и цели жизни“» (Е. А. и ч к о в. Литературные образы и мнения. СПб., 1904, стр. 92), сообщает прозе Куприна чеховское звучание.

Влияние Чехова наиболее ощутимо у Куприна в первой половине девятисотых годов. Между «Ночной сменой» и «Поединком» пролегает пласт рассмотренных выше произведений, в которых критика действительности и положительный идеал выражались в формах, родственных чеховским.

Революция 1905 года обозначила новый этап в творчестве Куприна. События освободительной борьбы настраивали писателя на героический лад, общение с Горьким усиливало «смелое и буйное» в его картинах. В 1905—1906 гг. Куприн не только выдвигает требование созвучного новой действительности революционного, романтически приподнятого искусства, выражающего «радость борьбы» (притча «Искусство», 1906), но и сам пытается осуществить эти новые эстетические задачи («Гост», «Сны», «Демир-кая»). Восторгаясь горьковской поэмой «Человек», Куприн склонен в этот период ограничивать значение художественной системы Чехова: «...драгоценная прелесть чеховской поэзии представляется нам далекой, бесконечно милой сказкой. И теперь, когда наступает время великих, грубых, дерзновенных слов, жгущих, как искры, высеченные из кремня, благоуханный, тонкий, солнечный язык чеховской речи кажется нам волшебной музыкой, слышанной во сне» (А. К у п р и н. Памяти Чехова. — «Наша жизнь», 1905, № 140, от 2 июля).

О своем отталкивании от «чеховской» тематики заявлял Куприн и позднее, в пору работы над неосуществившимся замыслом романтической драмы о короле из народа.

«Меня влечет к героическим сюжетам. Нужно писать не о том, как люди обнищали духом и оплошели, а о торжестве человека, о силе и власти его» («У А. И. Куприна». — «Биржевые ведомости», веч. вып., 1913, № 13764, от 21 сентября).

И хотя идеал героического искусства и нового человека не смог быть воплощен Куприным, оставшимся в эпоху пролетарской борьбы на общедемократических позициях, эти искания оплодотворили дальнейшее творчество художника. Восторг перед мужеством простого человека в его сопротивлении силам реакции («Гамбринус»), в его бесстрашном поединке с природой («Листригоны»), восхищение его благородством и красотой души («Гранатовый браслет») сообщили новые тона купринской палитре.

Взволнованный авторский лиризм, стремящийся не к «подводному», а к открытому выражению, бурно прорывающий повествовательную ткань, яркая эмоциональность, патетика чувств, сочетааясь с трезвой, документально точной, конкретной реалистической бытописью, определяли своеобразие художественной манеры Куприна, ее отличия от чеховской.

Показателен в этом отношении рассказ «Река жизни» (1906). В. В. Воровский находил в нем чеховские краски. «Безвольный, дряблый русский интеллигент нарисован здесь в чисто чеховских тонах», — писал он, характеризуя образ студента (В. В. Вор о в с к и й. Цит. изд., стр. 282). Действительно, в этом рассказе затронута тема, в свое время глубоко волновавшая Чехова: молодой человек, выросший в мещанской среде в пору реакции восьмидесятых годов, воспитанный в духе чинопочитания, подхалимства, приспособленчества, пытается вырваться из этого мира. Вместе с тем, тот путь, о котором рассказал Чехов в знаменитом письме к Суворину, оказался не под силу купринскому герою, не сумевшему «выдавить из себя по капле раба» и связать свою жизнь с передовыми общественными силами. Конец студента, который совершает политическое предательство, Куприн изображает как следствие «оподления души», отравленной «моральной заразой» мещанства. Судьба самоубийцы-студента, сына приживалки, остро ненавидящего обывательское окружение, отчасти напоминает историю гимназиста из рассказа Чехова «Володя». По-чеховски заостренно изображены в «Реке жизни» и персонажи фона, обитатели номеров «Сербия» во главе с хозяйкой и отставным поручиком. Но чеховская тема омещанивания человека получает в этом рассказе специфически купринское стилевое решение благодаря вторжению в реалистическую бытопись лирико-патетической партии студента с его монологом об «орлятах» революции и «трусливых рабах» безвременья.

Переключки с темами и образами Чехова ощутима и в некоторых рассказах Куприна 1907—1913 гг. Это «Мелюзга», «Попрыгунья-стрекоза», «Черная молния», произведения, связанные с неосуществленным циклом Куприна об уездной России. Тема этих рассказов — взаимоотношения интеллигенции с народом, судьба носителей культуры в русской провинции и деревне. В «Мелюзге», в которой критика подчеркнула чеховские мотивы, изображено одичание сельских интеллигентов, заброшенных в деревенскую глушь. Купринский Астреин — это именно та типичная для уездной России фигура сельского учителя, о которой с болью говорил Чехов Горькому: «Наш учитель восемь, девять месяцев в году живет как отшельник, ему не с кем сказать слова, он тупеет в одиночестве, без книг, без развлечений». «Это <...> плохо образованный человек, который идет учить ребят в деревню с такой же охотой, с какой пошел бы в ссылку. Он голоден, забит, запуган возможностью потерять кусок хлеба <...> Нельзя же допускать, чтоб этот человек ходил в лохмотьях, дрожал от холода в сырых, дырявых школах, угорал, простужался, наживал себе к тридцати годам лярингит, ревматизм, туберкулез» (М. Горь к и й. А. П. Чехов. — Соч., т. 5, стр. 417—418).

Но, близкий Чехову по теме и жизненному материалу, рассказ Куприна завершался иными идейными выводами. Перспективы сближения интеллигенции с народом Куприн в условиях наступавшей реакции оценивал пессимистически. Интеллигентская мелюзга в рассказе — жалкая, опустившаяся, не нужная народу и не верящая в него. Как и студенту в одноименном рассказе Чехова, который думает, что «и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре <...> была точно такая же лютая бедность, голод

«...» невежество, тоска, такая же пустыня кругом» (VIII, 346), герою «Мелюзга» Россия кажется страной без истории и без будущего: «...наш народ, каким был во время Владимира Красного Солнышка, таким и остался и по сие время. Та же вера, тот же язык, та же утварь, одежда, сбруя, телега, те же знания и культура» (Соч., т. IV, стр. 238).

Чеховскому студенту общение с народом открыло правду и красоту жизни, заставило поверить в ее высокий смысл. Не то в произведениях Куприна, написанных после поражения революции 1905 г., в пору тяжелых раздумий писателя в условиях реакции. Герои рассказа «Мелюзга» подавлены отсталостью и невежеством крестьянства. Те же настроения прозвучали в лирико-философском этюде Куприна «Попрыгунья-стрекоза» (1910), в котором мотивы рассказа Чехова «Новая дача» завершались пессимистическим выводом о враждебности народа культуре и ее носителям.

Наиболее близко в эти годы соприкоснулся Куприн с идеями Чехова в рассказе «Черная молния» (1913). Герой рассказа, лесничий Турченко — патриот и общественник чеховской складки, деятельный преобразователь родной земли. В самоотверженной работе по сохранению лесных богатств Турченко движут те же общественные интересы, что и Астровым, который «каждый год сажает новые леса и <...> хлопочет, чтобы не истребляли старых» (XI, 203). Тема леса звучит в «Черной молнии» как чеховская тема созидательного труда в мастерской природы, украшения земли руками человека. Подобно Астрову, купринский лесничий печется не о своем уезде, он мыслит масштабами всей страны, заботится о благе целого народа.

Как и в произведениях Чехова, история Турченко раскрывается на фоне уездного захолустья, где «ничего нет для ума и для сердца», где местные интеллигенты «быстро опускаются, много пьют, играют в карты <...> ничем не интересуются». Эта «сонная, ленивая, ко всему равнодушная, ничего не любящая, ничего не знающая провинция» изображена Куприным в острых, гротескных тонах.

Но чеховская художественная задача — возбуждать «отвращение к этой сонной, полумертвой жизни» (письмо Горького к Чехову, январь 1900 г. — Соч., т. 28, стр. 113) — была недостаточна для Куприна, современника нового этапа освободительного движения, — этапа решающих классовых битв. Однако эти требования новой эпохи не были осознаны Куприным, который в условиях нарастания пролетарской борьбы накануне Октября переживал глубокий идейный кризис, утрачивал связи с передовым искусством. «Черная молния» была одним из последних у Куприна произведений большой общественной темы. Вместе с тем этот рассказ явился и заключительным звеном в творческой перекличке Куприна с Чеховым¹⁸.

История общения Куприна и Чехова показательна для уяснения преемственных связей в критическом реализме XX в. Сближение с Чеховым и воздействие его творчества сыграло важную роль в развитии одного из самых талантливых демократических писателей этого времени. Куприн более других «знаньевцев» приближался к Чехову и благодаря тематическому и жанровому разнообразию своей прозы, и по психологической углубленности ее, и по заостренным формам критики действительности, включавшим сатиру и гротеск. Если писатели «Знания» изображали только ту жизнь, «какая есть», то Куприн вслед за Чеховым давал почувствовать также «жизнь, которая должна быть», пронесил чеховскую мечту о свободном и гармоничном человеке будущего.

В отличие от тех «знаньевцев», которые, избрав чеховскую тематику, шли к натурализму (Чириков, Тимковский) или к импрессионизму (Зайцев), Куприн продолжал традиции Чехова в русле критического реализма. Творчество Куприна от «Молоха» до «Поединка», т. е. в пору наибольшего воздействия идейно-художественных принципов Чехова, — показывало жизнеспособность искусства критического реализма, питавшего мощным общедемократическим движением эпохи 1905 года.

Современник первой русской революции, Куприн ощущал «нужду в героическом», писал о необходимости новых, по сравнению с чеховскими, форм художественного выражения, отвечающих новой эпохе. Публицистичность, гражданственный пафос, романтические краски в прозе Куприна говорили о воздействии Горького. Однако

чеховские художественные принципы не утратили своего значения для Куприна. Став большим и самобытным писателем, Куприн не раз возвращался на своем пути к идеям и образам Чехова.

Ниже печатаются по автографам все сохранившиеся в архиве Чехова письма Куприна к нему (ЛБ, ф. 331 ед. хр. 48/80).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Куприн. Памяти Чехова. — «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 503. См. также ниже в настоящем томе воспоминания Л. К. Федоровой. Это упоминание Куприна расходится с позднейшими его воспоминаниями, написанными по возвращении в СССР, в 1937 г., где он сообщал, что познакомился с Чеховым в Ялте, «кажется (<...> в 1900 году» («Известия», 1937, № 142, от 18 июня). Однако вряд ли воспоминания тридцатипятилетней давности более достоверны, чем свидетельство 1904 г. Ошибкой памяти представляется нам и упоминание М. П. Чеховой имени Куприна среди писателей, посещавших Чехова во время гастролей Художественного театра в Ялте в апреле 1900 г. (Мария Чехова. Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. М., 1951). «Дядю Ваню», «Трех сестер», «Чайку» Куприн смотрел впервые осенью 1901 г. в Москве (см. письмо 2 настоящей публикации от декабря 1901 г.). В очерке 1904 г. (как и в воспоминаниях 1937 г.) Куприн ничего не говорил о ялтинских постановках Художественного театра.

² С. Д. Балухатый. Библиотека Чехова. — Сб. «Чехов и его среда». Л., 1930, стр. 246. Отклики Чехова на сборник «Миниатюры» неизвестны. Но можно предположить, что отмеченные в воспоминаниях Куприна нападки Чехова на бабальные беллетристические приемы, на претенциозные подзаголовки были высказаны именно по поводу некоторых купринских миниатюр.

³ Этот рассказ был навеян тем же событием (самоубийство известной провинциальной актрисы Кадыной), что и написанная одновременно с ним одноактная пьеса Чехова «Татьяна Репина». Вряд ли Куприн знал пьесу Чехова (в 1899 г. она была напечатана Сувориним лишь в двух экземплярах: пьеса, изображавшая церковный обряд свадьбы, не могла быть пропущена цензурой). Но, по-видимому, ему была знакома напумевшая драма А. С. Суворина того же названия, своеобразным продолжением которой и была чеховская пьеса.

⁴ Общее в стилистике Чехова и Куприна иллюстрировал (на примере «Ночной смены» и др. рассказов) П. Бицилли в статье «Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа». — «Ученые записки Петрова университета» (София), т. 38, вып. 6, 1942.

⁵ Чеховские мотивы в рассказе «Болого» отмечал Бунин (в статье «Перечитывая Куприна». — «Современные записки», Париж, 1938, № 67). Бунин был склонен усматривать в ряде произведений Куприна талантливую имитацию чеховской художественной манеры.

⁶ Среди писем Куприна к Чехову сохранилась газетная вырезка с рецензией на рассказ «Архиерей» («Новый рассказ А. П. Чехова». — «Биржевые ведомости», 1902, № 129, 14 мая. Подпись: А. И.). На вырезке помета Куприна: «Бирж. Вед.» и надпись его рукой: «Шлю глубокий поклон. А. Куприн». Как видно, Чехов успел получить посланную Куприным вырезку около 20 мая, до отъезда из Ялты в Москву. Автор рецензии, по-видимому, А. А. Измайлов, подписывавшийся инициалами «А. И.». В 1902 г. Измайлов не раз печатал свои рецензии в «Биржевых ведомостях». Так например, незадолго до статьи об «Архиерее», он поместил там отзыв о рассказах Скитальца («Биржевые ведомости», 1902, 8 мая, № 123). Оснований приписывать рецензию самому Куприну нет. Он не пользовался криптонимом «А. И.», в 1902 г. в «Биржевых ведомостях» не печатался (его произведения публиковались там позже, в 1913—1915 гг.). Язык рецензии также не дает оснований для такого предположения.

⁷ В воспоминаниях, написанных в 1937 г., Куприн относил встречу с Горьким к более раннему времени: «Впервые я виделся с Алексеем Максимовичем в гостях у А. П. Чехова. Было это в конце девяностых годов, 1898—1899, точной даты не помню, по выходе в свет первых томов его сочинений в издательстве Дороватовского и Чурушниково» (Архив А. М. Горького, МОГ 7-15-1. Частично опубл.: «Известия», 1937, № 142, от 18 июня). По-видимому, здесь такая же ошибка памяти Куприна, что и в дате знакомства с Чеховым.

⁸ Письмо Горького к Бунину от июля 1904 г. — М. Горький. Соч., т. 28, стр. 312. — О том же писал Горький в те дни и самому Куприну: «...сильно, очень сильно понравился все же мне вашей глубокой скорбью о Чехове!» («Горьковская коммуна», 1946, № 151, от 27 июня).

⁹ Позже Андреев высказался против участия Куприна в сборнике («...души нет у Куприна — талант большой, но пустой», — писал он Горькому 6 августа 1904 г. — Архив А. М. Горького, КПГ 4-2-33). Но сам он своих обещаний не выполнил и воспоминаний о Чехове не написал.

¹⁰ Специальный чеховский сборник «Знанию» издать не удалось. Воспоминания Горького о Чехове вошли в «Нижегородский сборник» (1905).

¹¹ А. Куприн. Памяти Чехова.—Чехов в воспоминаниях современников», стр. 506—507. Статья Куприна о Чехове вызвала злобное раздражение реакционеров. «Августейший поэт» К. Р., познакомившись с третьим сборником «Знания», записал в своем дневнике: «Прочел еще глущую статью Куприна „Памяти Чехова“, в которой скончавшийся в прошлом году литератор выставляется „великим писателем“, чуть не гением, обладавшим необыкновенно прекрасным слогом, и приводятся последние подробности его домашнего быта, разные его далеко не остроумные словечки». Напечатанные в третьем сборнике горьковские «Дачники» К. Р. принял... за произведение Чехова, так как «они напоминают своей несуразностью, расплывчатостью и выражением каких-то непонятных стремлений „Дядю Ваню“, „Трех сестер“ и „Вишневый сад“» («Изднейника Константина Романова». — «Красный архив», 1931, № 1 (44), стр. 133).

¹² То же сравнение находим у Горького, который писал, что Чехов ходил по земле, «как врач по больнице: больных в ней — много, а лекарств — нет» (письмо к А. Н. Тихонову (Серебряков) 28 марта 1933 г. М. Горький и др. Соч., т. 30, стр. 294).

¹³ А. Куприн. Проказливый юмор (О рассказах актера Руденкова). — «Журнал журналов», 1915, № 26, стр. 10). — Примечательно, что Куприн здесь близко подошел к той характеристике, которую дал чеховскому юмору Горький: «...стоит только внимательно прочитать его „юмористические“ рассказы, чтобы убедиться, как много за смешными положениями — жестокого и противного скорбно видел и стыдливо скрывал автор». «Почтеннейшая публика, читая „Дочь Альбиона“, смеется и едва ли видит в этом рассказе гнуснейшее издевательство сытого барина над человеком одиноким, всему и всем чужим. И в каждом из юмористических рассказов Антона Павловича я слышу (...) безнадежный вздох сострадания к людям, которые не умеют уважать свое человеческое достоинство (...) живут, как рабы...» (М. Горький и др. А. П. Чехов. — Соч., т. 5, стр. 427).

¹⁴ Кроме указанных выше статей, Куприн посвятил Чехову ряд лекций и выступлений (см. «Биржевые ведомости», 1915, № 15186, от 2 ноября; газ. «Баку», 1916, № 226, от 14 октября; «Вестник литературы», 1919, № 4, стр. 7).

¹⁵ «Одесские новости», 1910, № 8018, от 17 января. — Данное суждение Куприна о Чехове весьма близко к чеховской оценке роли Толстого в русской литературе. «Толстой стоит крепко, — писал Чехов в 1900 г. — авторитет у него громадный, и, пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество (...) будут (...) глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения; «Его деятельность служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются» (письмо к М. О. Меньшикову от 28 января 1900 г. — XVIII, 313). Эти слова Чехова Куприн положил в основу своей статьи «Наше оправдание», написанной 8 ноября 1910 г., на другой день после смерти Толстого.

¹⁶ Е. Аничков. Рассказы «Знания». — В кн.: Евгений Аничков. Литературные образы и мнения. СПб., 1904; Ю. Александрович. После Чехова, т. I. М., 1908; Ю. Соболев. А. И. Куприн. — «Общественно-литературный сборник». М., 1910; Ф. Д. Батюшков в Чехов и Куприн. — «Сверные зори», 1910, № 8, от 29 января; А. Измайлов. Александр Куприн. — Сб. «Литературный Олимп». М., 1911.

¹⁷ Назовем хотя бы поручика Рябовича из рассказа Чехова «Поцелуй» (1887). Этот «маленький сутуловатый офицер в очках», «самый скромный и самый бесцветный человек в бригаде», погруженный в чепуховые грезы, — предшественник Ромашова (каким он показан в первых главах «Поединка») и других «прапорщиков армейских» в военных рассказах Куприна. Бытовые зарисовки, эпизоды, типаж «Поцелуя», в котором, по словам современника, с «удивительной чуткостью (...) схвачен был самый дух и склад военной среды» (И. Щеглов. Из воспоминаний об Антоне Чехове. — «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 167), находят множество аналогий в таких купринских рассказах об армии, как «Поход», «Свадьба», «Прапорщик армейский», «Ночлег» и др.

¹⁸ Правда, сам Куприн соотносил в эти годы замысел своей повести «Яма», которую он тогда заканчивал, с рассказом Чехова «Припадок». Считая, что русская литература не сказала еще своей правды о «кошмаре проституции», Куприн делал исключение лишь для образа Сонечки Мармеладовой Достоевского и для этого чеховского рассказа. Но, отмечая впечатляющую силу картин «Припадка» (Соч., т. V, стр. 226), Куприн писал, что Чехов только «подошел» к теме проституции и, не зная этой жизни, отразил лишь ее внешнюю сторону.

Недооценка рассказа Чехова на страницах «Ямы» объяснялась тем, что в этой повести Куприн стремился к натуралистической описательности, считая детализованное, документально точное воспроизведение быта непременным условием правдивости произведения. Это суженное представление о правде в искусстве (столь повредившее Куприну в его повести) повлекло за собой не только неверную оценку «Припадка», но и ошибочное суждение о недостаточном знании Чеховым крестьянской «души», которую писатель, якобы, «обошел стороной» (там же, стр. 73).

ПИСЬМА КУПРИНА К ЧЕХОВУ

1

〈Ялта. Середина мая 1901 г.〉*

Многоуважаемый Антон Павлович!

Оказалось, что вы уехали совсем не вовремя¹: погода стала прекрасной, ветра нет, а в воде утром 14—15°, а вечером 16—17° R. Проводу я собственноручно к тому, что начал сегодня купаться и докупался до головной боли.

Четверть часа тому назад я встретил на набережной архитектора Секавина, который, помните, доезжал вас целые три часа. Он, правда, мой старый знакомый, т. е. мы были знакомы мальчиками, когда мне было лет 15, а ему 20. Я его спросил, зачем он к вам тогда приходил. Он очень обрадовался и снова рассказал мне эту идиотскую историю. Но как я ни старался ему объяснить нелепость его поступка (даже прибегал к разным сравнениям), он остался непоколебим. «У нас только и есть в России два либеральные писателя — Чехов и Потапенко, которые не побоятся высказать правду в глаза печатно». Жена у него удивительно, до смешного похожа на него, а сын — бледный мальчишка с разинутым ртом и оттопыренными ушами².

Может быть, вы хотите знать ялтинские новости? Альтшуллер³ уезжает в Америку, а мать-дьяконица в Петербург. Она теперь все жалуется, что ее никто не понимает, а она «то есть это теперь должна скрывать в себе некоторые идеальные чувства», а если и полюбит, то «мужчину непременно инергического, то есть который мужчина полный инергии». Из этого видно, что наши розовые планы окончательно разрушены. Людмила Сергеевна Кулакова⁴ тоже уехала к себе в имение, потому что воротился ее муж. Она в последнее время все ко мне приставала: как о ней думает Антон Павлович и какой он ее находит. Грешный человек — каюсь — я от вашего имени наговорил ей такую бездну лестных вещей, что и она ко мне стала гораздо благосклоннее.

У нас устраивается спектакль, где и я приму участие в роли Чубукова в «Предложении». Испрашиваю издали вашего благословения. Кстати о театре. Не поленитесь, Антон Павлович, написать мне, с убеждением ли советовали вы мне поступить в Художественный театр? Заранее говорю (может быть, это вам немного и не понравится), что как вы положите, так я и сделаю. В этом смысле и по отношению *только к вам*, я похож на тех курсисток, которые приставали к Горькому с вопросом — «учитель, как нам жить?» Не сердитесь на меня за это.

Если вы меня почите ответом (адресовав его на вашу же дачу), это будет для меня праздник. Время от времени я захожу к вам. Евгения Яковлевна работает, а я раскладываю пасьянс.

И, пожалуйста, не бойтесь, что, получив от вас несколько строчек, я начну осаждать вас письмами. Я знаю, как вы заняты. Ваш всегдашний слуга

А. Куприн

P. S. Благодарю вас за пьесы и особливо за надпись на них⁵.

¹ Чехов уехал из Ялты в Москву 9 мая 1901 г.

² О визите этого архитектора к Чехову Куприн подробно рассказал в своих воспоминаниях о Чехове: «Было хорошее, но жаркое, безветренное летнее утро. А. П. чувствовал себя на редкость в легком, живом и беспечном настроении. И вот появляется, точно с неба, толстый господин (оказавшийся впоследствии архитектором), посылает Чехову свою визитную карточку и просит свидания. А. П. принимает его. Архитектор входит, знакомится и, не обращая никакого внимания на плакат: „Простят не курить“, не спрашивая позволения, закуривает вонючую огромную рижскую сигару. Затем, отвесив как неизбежный долг несколько булжжных комплиментов хозяину, он приступает к приведшему его делу.

* Рукою Чехова карандашом проставлено: 1901, V.

Дело же заключается в том, что сынок архитектора, гимназист третьего класса, бежал на днях по улице и по свойственной мальчишкам привычке хватался на бегу рукой за все, что попадалось: за фонари, тумбы, заборы. В конце концов он напоролся рукой на колючую проволоку и сильно оцарапал ладонь. „Так вот, видите ли, глубокоуважаемый А. П., — заключил свой рассказ архитектор, — я бы очень просил вас напечатать об этом в корреспонденции. Хорошо, что Коля ободрал только ладонь, но ведь это — случай! Он мог бы задеть какую-нибудь важную артерию — и что бы тогда вышло?“ — „Да, все это очень прискорбно, — ответил Чехов, — но, к сожалению, я ничем не могу вам помочь. Я не пишу, да и никогда и не писал корреспонденций, я пишу только рассказы“. — „Тем лучше, тем лучше! Вставьте это в рассказ, — обрадовался архитектор. — Пропечатайте этого домовладельца с полной фамилией. Можете даже и мою фамилию проставить, я и на это согласен... Или нет... все-таки лучше мою фамилию не целиком, а просто поставьте литеру: господин С. Так, пожалуйста... А то ведь у нас только и осталось теперь два настоящих либеральных писателя — вы и господин П.“ (И тут архитектор назвал имя одного известного литературного закрыщика.) Я не сумел передать и сотой доли тех ужасающих пошлостей, которые наговорил оскорбленный в родительских чувствах архитектор, потому что за время своего визита он успел докурить сигару до конца и потом долго приходилось проветривать кабинет от ее зловонного дыма. Но едва он, наконец, удалился, А. П. вышел в сад совершенно расстроенный, с красными пятнами на щеках. Голос у него дрожал, когда он обратился с упреком к своей сестре Марии Павловне и к сидевшему с ней на скамейке знакомому:

— Господа, неужели вы не могли избавить меня от этого человека? Прислали бы сказать, что меня зовут куда-нибудь. Он же меня измучил!» («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 507—508).

³ Об И. Н. *Альтишлере* — см. выше в примечаниях к письму Чехова к нему от 27 ноября 1898 г.

⁴ Людмила Сергеевна *Кулакова* (ныне — Врангель) — дочь С. Я. Елпатьевского. В настоящее время живет во Франции. В 1960 г. редакцией «Литературного наследства» были получены от нее 24 письма к ней А. И. Куприна, которые переданы в Отдел рукописей ЛБ.

⁵ Очевидно вышедший в январе 1901 г. том пьес Чехова в издании А. Ф. Маркса. Надпись на книге неизвестна.

2.

〈Петербург. Декабрь 1901 г.〉*

Многоуважаемый Антон Павлович!

Приехав осенью в Москву, я хотел было, по вашему совету, попробовать поступить в Художественный театр, но когда увидел, сколько туда нахлынуло к этому времени особ обоюго пола, жаждущих того же самого, то сконфузился и испугался своей смелости. Нечто подобное я видел только один раз в своей жизни — именно на экзамене в Академию Генерального штаба, где на 60 вакансий явилось около 1000 человек.

Зато я основательно смотрел и слушал три ваши пьесы. Я их так люблю и так в них вчитался, что на сцене Художественного театра они меня совсем не удовлетворили. Я и в самом деле думал, что у них идет реформа сценического искусства, а реформа эта, оказывается, коснулась только чисто внешней стороны, декоративной. Правда, в этом много сделано прекрасного: столовая в III действии «Чайки» поставлена до того хорошо, что при поднятии занавеса внезапно чувствуешь, как будто ты сам в ней сидишь. В последнем действии в «Дяде Ване» стук уезжающих экипажей, а в «Трех сестрах» пожар за сценой — великолепны **. И многое другое. Но и здесь кое-где есть пересол. Так, например, в «Чайке» суматоха при отъезде Нины, Аркадиной и Тригорина в дверях до того преувеличена, что производит водевильное впечатление. Паузы в последнем акте «Дяди Вани» слишком длинны: даже выдержанная и выдрессированная публика Художественного театра начинает кашлять и двигаться на стульях; в «Чайке» (в первом действии) артисты без всякой нужды предоставляют публике удовольствие любоваться ракурсами их спин в сидячем, ходячем и стоячем положении (мне кажется, что в этом можно наблюдать некото-

* Рукою Чехова карандашом было проставлено: 1901, XII.

** Что, например, за прелесть они сделали изофидера академии, который только показывается на сцене, не говоря ни слова! — *Прим. Куприна.*

рую умеренность и вовсе не стесняя свободу актера двигаться, как ему угодно, на сцене). И так далее.

Совершенно неправильно ходячее мнение, будто режиссерская власть Художественного театра, повышая игру маленьких актеров и кладя узду на больших, стремится дать общее, среднее, ровное впечатление. Талант все-таки выделяет роль из общего фона. Астров-Станиславский прямо

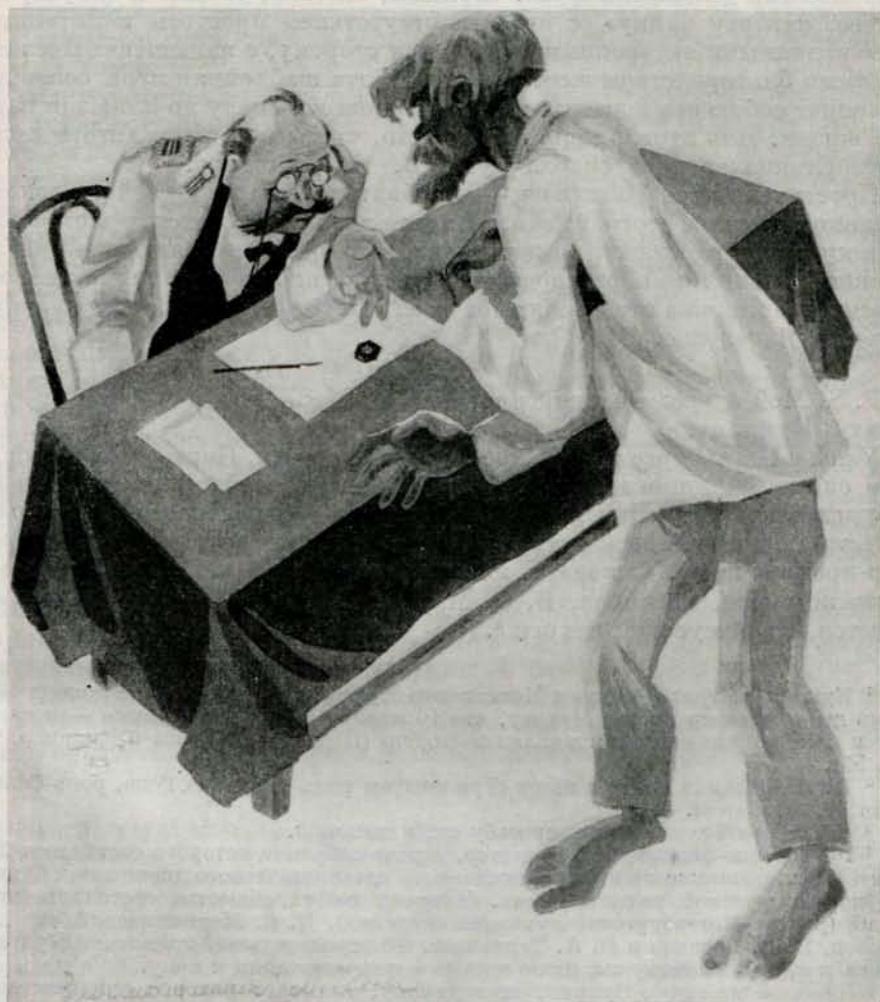

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ЗЛОУМЫШЛЕННИК».

Акварель К. П. Ротова, 1929 г.

Литературный музей, Москва

удивителен (хотя, замечу в скобках, в его манере держаться на сцене есть что-то явно хозяйское, что я почти в такой же мере наблюдал у другого властного администратора — Н. Н. Соловцова, артиста и человека несравненно менее культурного, чем Станиславский). О. Л. Книппер в «Чайке» превосходит все, что можно требовать и ожидать от артиста¹. Москвин из маленькой роли артиллерийского офицера делает чудо: именно такой милый, веселый, картавый подпоручик есть во всякой артиллерийской бригаде. Очень хорош Соленый².

Но самое-то главное в том, что прославленная реформа совсем не коснулась среднего и маленького актеров. Видно, что они стараются, дай им бог доброго здоровья; я готов верить и тому, что на репетициях для них чертят мелом на полу кружки, куда становиться ногами. Но, в конце концов, они остались теми же актерами, каких много и на сцене императорских театров, и в Харькове, и в Псковурове. Та же актерская читка, с неправильными делениями фраз: «пришел, человек, увидел и (пауза) погубил ее, как эту чайку», с полным отсутствием простоты в интонациях, с неожиданными актерскими вздохами в сторону, с напыщенным и неестественным благородством жестов и т. д. И эта шаблонная игра совершенно заслоняет собою все попытки новаторов довести сцену до иллюзии настоящей жизни. Для этого, вероятно, нужно, чтобы в каждом актере при таланте Станиславского сидела душа В. И. Данченко.

Простите, Антон Павлович,— я заболтался и только сейчас вспомнил о главной причине этого письма. Видите ли: мне, кажется, удастся издать книжку моих рассказов (именно тех, что были в толстых журналах). Скажите, очень ли вы рассердитесь, если на первой странице будет напечатано, что книжка эта посвящена вам? ³ Передайте мой сердечный привет Евгению Яковлевне.

Ваш А. Куприн

P. S. Мой адрес: Невский проспект, д. № 67, кв. 5. Александру Ивановичу Куприну.

У нас в Петербурге теперь две горячие новости. Первая та, что на Невском около Филиппова офицер Миллер зарубил саблей студента медико-хирургической академии Петрова, а другая — образование Религиозного общества под председательством преосвященного Сергия, с благословения обер-прокурора св. Синода и митрополита и при неперемennom участии Мережковского, Розанова, В. С. Миролюбова и еще каких-то двух лиц, кажется, из Иисусовой пехоты ⁴.

А. К.

¹ Куприн смотрел «Чайку» в Московском Художественном театре 9 ноября 1901 г. Через день Книппер писала Чехову, что 10 ноября был у нее Куприн — «последний был в „Чайке“ накануне и изъяснял восторги» (Переписка Чехова и Книппер, т. II, стр. 55).

² И. М. Москвин играл в пьесе «Три сестры» роль поручика Роде, роль Соленого играл А. А. Санин.

³ Об ответе Чехова на эту просьбу см. в письме 3.

⁴ Религиозно-философское общество, первое собрание которого состоялось 27 ноября 1901 г., возникло на почве реакционного идеалистического движения в буржуазных кругах русской интеллигенции. Членами совета общества состояли: епископ Сергей (ректор Петербургской духовной академии), Д. С. Мережковский, В. С. Миролюбов, В. В. Розанов и В. А. Тернавцев. Об отрицательном отношении Куприна и Чехова к этому обществу см. ниже письмо 4 и комментарии к нему.

«Иисусовой пехотой» Куприн, по-видимому, называет рядовое духовенство.

Многоуважаемый Антон Павлович!

Поздравляю вас с Новым годом, и, хотя знаю — вы не любите общих фраз, но не могу удержаться от обыкновенной читательской фразы, которую произносят потирая руки и сладко улыбаясь: «Надеемся, что в этом году вы порадуете нас новыми прекрасными произведениями вашего талантливоего пера!»

Вы думали, что я постригся в монастырь. А было нечто более необыкновенное. Уехав из Ялты, я попал в лес, в Рязанскую губернию и четыре месяца занимался там землемерной работой ¹: снимал при помощи инстру-

* Рукою Чехова карандашом проставлено: 1901.

мента, называемого теодолитом, крестьянские леса — всего урочищ около ста с самыми удивительными названиями, от которых веет татарской и даже половецкой древностью. Кстати, шатаюсь по деревням, я собрал целую тетрадь идиотизмов рязанского говора. Для любителя они были бы прямо находкой.

Следуя вашему совету о том, что книжка должна быть издана как можно проще, я ее оставляю без посвящения, хотя — признаюсь — мне всегда была приятной мысль поставить вперед дорогое для меня литературное имя. Впрочем и сама книжка только в проекте, и, значит, об этом теперь нечего и говорить².

В Петербурге тепло, и дует ветер с моря, такой влажный и тревожный, какой у нас в средней полосе бывает только в начале весны, а здесь это всякий раз, как только чуточку потеплеет. Я езжу все на верхушках конок и говорю ваше словечко: «чудесно!». Говорят, что к 8 февраля готовятся среди молодежи беспорядки. Очень жаль, если все выйдет по прошлогоднему³. Кстати о университетских забастовках: в Томске студенты, не вошедшие в число забастовавших (собственно говоря смешно применять это слово к младенцам, сосущим молоко мудрости из сосцов науки), стали требовать от правительства всевозможных подачек — льгот, стипендий, поблажек на экзаменах и т. п., а на днях дошли до того, что потребовали от администрации университета лошадей, которые их привозили бы на лекции и отвозили обратно. Вот люди с широкими вкусами.

Исполняя ваше желание, я вышлю вам оттиск рассказа, который пойдет в январской книжке «Мира божьего»⁴. Мне бы очень хотелось услышать от вас два-три вестих, хотя бы и жестких слова об этом рассказе. Для того, чтобы вам не разыскивать моего адреса — всего лучше мне писать на редакцию «Журнала для всех», где я — сам не знаю, временно или совсем — делаю разного рода работу⁵.

Вы, Антон Павлович, могли бы мне сделать прекрасный новогодний подарок, прислав что-нибудь ваше, хотя бы «Три сестры» с автографом. Но я не решаюсь вас беспокоить лишней раз — у меня и так уже есть ваши «Пьесы» и том, начинающийся с «Злоумышленника». Обе книжки — в отличных переплетах, и я ими дорожу как настоящими сокровищами. Прошу передать мой глубокий поклон Евгении Яковлевне.

Ваш А. Куприн

¹ Куприн уехал в Зарайский уезд Рязанской губернии на землемерные работы. Он писал оттуда в Ялту Л. И. Елпатьевской: «Я взял нечто вроде подряда обмерить около 600 десятин крестьянского леса в Зарайском уезде и составить планы лесного хозяйства. С утра раннего до глубокой ночи занят делом, не дающим мне <...> буквально ни одной минуты свободной <...> Когда еще темно, бегу с рабочими в лес. А весь вечер сижу, не разгибаясь, и заносу все снятое днем на план» (Э. Ротштейн. Материалы к биографии А. И. Куприна. — В кн.: «А. И. Куприн. Забытые и несобранные произведения». Пенза, 1950, стр. 282. Оригинал в Отделе рукописей ИМЛИ).

² См. письмо 2.

³ Студенческие демонстрации в Петербурге действительно произошли 8 февраля и 4 марта 1902 г. (последняя — в годовщину разгона демонстрации на Казанской площади 4 марта 1901 г.). См. в настоящем томе статью А. Н. Дубовикова «Письма к Чехову о студенческом движении 1899—1902 гг.».

⁴ Рассказ Куприна «В цирке». О нем см. выше, в статье «Чехов и Куприн».

⁵ С декабря 1901 г. Куприн начал работать в редакции «Журнала для всех» в качестве заведующего беллетристическим отделом.

Большое спасибо вам, глубокоуважаемый Антон Павлович, за ваше милое письмо. Вы, конечно, знаете, как приятно мне было услышать через

* Рукою Чехова синим карандашом проставлено: 1902, II.

вас отзыв Л. Н. Толстого о моем произведении¹. Но при всем желании я все-таки не решаюсь послать Л. Н. свою книжку. Уж очень много в ней балласту, который может произвести удручающее впечатление, да и по своей внешности, с этой нелепой женщиной под пальмами на обложке, она имеет слишком уж легкомысленный вид². Не лучше ли будет, если я пошлю ему ту книжку, об издании которой я теперь думаю? Она будет издана просто, солидно, без всяких претензий, и, кроме того, в нее войдут исключительно журнальные рассказы, т. е., по моему мнению, лучшие³.

3 февраля я женился на М. К. Давыдовой⁴ и теперь «безумно счастлив!», как говорит мой друг Федоров⁵, произнося это восклицание в нос. Застану ли я вас в Ялте, если приеду туда в марте или в начале апреля? Мне бы вас очень, очень хотелось видеть и познакомиться с вами мою жену.

Именно по случаю женитьбы я оставил занятия в «Журнале для всех», не знаю — на время, или навсегда. Виктор Сергеевич переживает теперь (впрочем, это между нами) какое-то странное время. Его религиозные наклонности тянут его к Религиозно-философскому обществу, но в этом обществе он находит только одно мракобесие отцов церкви, истерические кривлянья Мережковского и ехидное смирение Розанова, и все это, по видимому, волнует Виктора Сергеевича и не дает ему того душевного спокойствия, которого он ищет⁶. Но журнал идет своим чередом, и в этом году подписка обещает быть очень значительной.

Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон Евгении Яковлевне. Крепко жму вашу руку.

Преданный вам А. К у п р и н

СПб. Преображенская 34, кв. 2.

¹ Чехов написал Куприну 22 января 1902 г.: «... сим извещаю вас, что вашу повесть „В цирке“ читал Л. Н. Толстой и что она ему *очень* понравилась» (XIX, 229).

² Речь идет о книжке Куприна «Миниатюры (Очерки и рассказы)». Киев, 1897. Чехов в своем письме рекомендовал Куприну послать «Миниатюры» Л. Н. Толстому (XIX, 229).

³ Имеется в виду сборник рассказов Куприна, который готовило издательство «Знание».

⁴ Мария Карловна Давыдова (ныне Куприна-Иорданская) — дочь издательницы журнала «Мир божий» А. А. Давыдовой.

⁵ А. М. Федоров — писатель, см. о нем ниже, в воспоминаниях Л. К. Федоровой.

⁶ По поводу участия Миролюбова в Религиозно-философском обществе, Чехов писал ему еще 17 декабря 1901 г.: «Читал в „Новом времени“ статью городского Розанова, из которой между прочим узнал о вашей новой деятельности. Если б вы знали, голубчик мой, как я был огорчен! Мне кажется, вам необходимо уехать из Петербурга теперь же — в Нерви или Ялту, но уехать. Что у вас, у хорошего, прямого человека, что у вас общего с Розановым, с превыспренно хитрейшим Сергием, наконец с сытейшим Мережковским? Мне хотелось бы написать много, много, но лучше воздержаться, тем более, что письма теперь читаются главным образом не теми, кому они адресуются» (XIX, 195).

〈Петербург. Начало октября 1902 г.〉*

Многоуважаемый Антон Павлович!

Не знаю, застанет ли вас это письмо в Ялте. У меня к вам большая просьба: этими месяцами пойдут мои три рассказа в «Русском богатстве», «Мире божьем» и «Журнале для всех»¹, так вот, мне бы очень хотелось послать вам номера или верстанные корректуры, чтобы услышать, что вы о них скажете. Правда, следовало бы это сделать раньше, еще

* Письмо написано на бланке журнала «Мир божий»; рукою Чехова проставлено: X, 1902.

в рукописи, дабы иметь время воспользоваться вашими указаниями, но, во-первых, боюсь вас затруднять, во-вторых, помню ваш совет не бояться ошибок, а писать только побольше, а в-третьих, знаю, что когда учатся ходить, то без шишек на лбу дело не обходится.

Самая свежая литературная новость это та, что Л. Андреев уже больше не русский писатель, а немецкий. Он, видите ли, заключил с какой-то немецкой фирмой условие, по-которому все его рассказы появляются сначала по-немецки, а спустя два месяца могут печататься и в русских изданиях. Не понимаю, кому и какой интерес будет в России печатать его, если всегда можно его перевести? Помните, Тургенев сделал нечто подобное, и тотчас же его перевели с французского и перевели так скверно, что он на другой раз закаялся².

Теперь в Петербурге Федоров. Ставит на императорской сцене — «Стихию». Я от души желаю ему успеха, так как мужчина он прекрасный и душевный, но пьеса мне не нравится, пахнет д'Аннунцио³. Федоров удивительно интересно рассказывает о том, как он ездил на Дальний Восток, как его «трепал тайфун», причем «судно дрейфовало», и как он потерпел крушение. Рассказывает он несравненно лучше, чем пишет, хотя и пишет, надо отдать ему справедливость, все-таки хорошо, а, главное, какой он деятельный, неутомимый работник!

Жена вам шлет поклоны и притом самые сердечные. В декабре мы ждем. Я до сих пор помню и никогда, вероятно, в моей жизни не забуду того вечера, когда я заходил прощаться с вами и когда вы говорили со мною о родах и о прочих сюда относящихся вещах. Я читал где-то, что Додэ называл себя «продавцом счастья» в том смысле, что он умел глубоко проникать в человеческое горе и утешать⁴. К вам, конечно, не идет это определение, потому что оно, по-французски, манерно и приторно. Но от вас я ушел тогда успокоенный и ободренный, почти умиленный.

У нас льет дождик, туманы, холод. Жалею я теперь о Крыме, который, помните, мы с вами вместе ругали. Получили ли обезьянок, и не сломались ли они в дороге?⁵

Ваш А. Куприн

¹ Имеются в виду рассказы Куприна: «На покое» («Русское богатство», 1902, № 11), «Болото» («Мир божий», 1902, № 12) и «Трус» («Журнал для всех», 1903, № 1).

² Л. Андреев в 1902 г. для закрепления авторских прав на переводы своих произведений за границей заключил договора с зарубежными издательствами Марклевского (Штутгарт), Дица и Ладыжникова (Берлин). Этими договорами предусматривалось, что переводы будут выходить в свет после напечатания соответствующего произведения в России. Однако в некоторых случаях издание переводов опережало появление русского текста.

Случай с Тургеневым, также не совсем точно переданный Куприным, имел место в 1877 г. в связи с публикацией «Рассказа отца Алексея». До напечатания этого рассказа в «Вестнике Европы» во французском журнале «La République des Lettres» был опубликован его перевод на французский язык, на что Тургенев дал свое согласие. Воспользовавшись этим фактом, Суворин тотчас же напечатал в «Новом времени» обратный перевод рассказа, что вызвало резкий протест Тургенева (подробнее об этом см. И. С. Тургенев. Собр. соч., т. VIII. М., 1956, стр. 579—580).

³ Пьеса А. М. Федорова «Стихия» шла в Александринском театре.

Габриэль д'Аннунцио (1863—1928) — буржуазный итальянский писатель, в произведениях которого преобладали темы чувственной любви.

⁴ Имеются в виду воспоминания о А. Додэ его сына, писателя Леона Додэ. В воспоминаниях о Чехове Куприн пишет: «Сын Альфонса Додэ в своих воспоминаниях об отце упоминает о том, что этот талантливый французский писатель полшутя называл себя „продавцом счастья“. К нему постоянно обращались люди разных положений за советом и за помощью, приходили со своими огорчениями и заботами, и он, уже прикованный к креслу неизлечимой, мучительной болезнью, находил в себе достаточно мужества, терпения и любви к человеку, чтобы войти душой в чужое горе, утешить, успокоить и ободрить» (см. «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 521—522).

⁵ См. прим. 1 к письму 7.

〈Петербург. Середина октября 1902 г.〉*

Посылаю вам, многоуважаемый Антон Павлович, вместе с этим письмом корректурный оттиск моего рассказа «На покое», который появится в «Русском богатстве» в ноябрьской книжке. Если у вас хватит досуга и охоты пробежать его, то не откажите в большой милости написать в двух словах: какое он на вас произведет впечатление, главное — в отрицательном смысле¹.

Я заходил засвидетельствовать свое глубокое почтение Евгении Яковлевне и Марии Павловне, но застал из них только первую и был очень рад узнать, что из Ялты вы уехали здоровый и в бодром настроении². У нас в Петербурге очень много говорят о новом помещении Художественного театра³, уверяют, что такого театра нет чуть ли не во всей Европе. Редактор нашего журнала Ф. Д. Батюшков собирается даже в Москву со специальной целью посмотреть его.

У меня идут переговоры об издании моих рассказов в «Знании». Все теперь зависит от Горького, к которому Пятницкий поедет на днях в Москву. Если дело выгорит, я буду очень счастлив. Я все-таки послушался вашего совета, — посвящения в книжке не будет, как мне этого ни хотелось⁴. Но не теряю надежды сделать это впоследствии.

Жена вам кланяется. Прошу передать от меня искренний и сердечный привет Ольге Леонардовне.

Весь ваш А. Куприн

¹ Чехов ответил Куприну по поводу рассказа «На покое» 1 ноября 1902 г.: «Повесть хорошая, прочел я ее в один раз, как и „В цирке“, и получил истинное удовольствие. Вы хотите, чтобы я говорил только о недостатках, и этим ставите меня в затруднительное положение... В этой повести недостатков нет, и если можно не соглашаться, то лишь с особенностями ее некоторыми» (XIX, 368—369). Подробнее об этом см. выше, в статье «Чехов и Куприн».

² Чехов уехал из Ялты в Москву 12 октября 1902 г.

³ Здание Московского Художественного театра (переделка б. Театра Омона) было построено к началу театрального сезона 1902 г.

⁴ См. выше, письма 2 и 3.

〈Петербург. 6 декабря 1902 г.〉**

Вы меня очень обрадовали, многоуважаемый Антон Павлович, написав, что обезьянки вам понравились¹. Мне приятно будет думать, что благодаря им вы, может быть, лишний раз вспомните о человеке, который предан вам всей душой.

Жена очень вам кланяется. Время ей в середине декабря, но можно ожидать со дня на день. Она к этому готовится спокойно и радостно, но временами на нее находит страх, и тогда она поплакивает. Сегодня ночью она во сне стонала, и я разбудил ее нарочно. Оказывается, ей снилось, будто в редакцию ворвалась какая-то худая, высокая, черная женщина с огромными, в пол-лица, страшными глазами. У нее были длинные руки, и она все смеялась и мяла жене живот, а когда ее вытолкнули за дверь, то она опять смеялась и грозила пальцем. Я успокоил жену, но сам не мог заснуть, а вот теперь под утро пишу вам.

Дела мои литературные так хороши, что боюсь сглазить. «Знание» купило у меня книгу рассказов². Не говоря уже об очень хороших, сравнительно, материальных условиях, — приятно выйти в свет под таким

* Письмо написано на бланке журнала «Мир божий»; рукою Чехова карандашом проставлено: X, 1902.

** Рукою Чехова карандашом проставлено: 1902.

флагом. Кстати я познакомился с Горьким, — он у нас обедал вместе с Пятницким. Знаете, в нем есть что-то аскетическое, суровое, проповедническое. Все рассказывает о молоканах, о духоборах, о сормовских и ростовских беспорядках, о раскольниках и т. д. И при этом глаза у него смотрят точно не от мира сего. Не совершается ли в нем тот переворот, который толкает многих русских писателей на путь подвижничества, пророчества и чудачества?

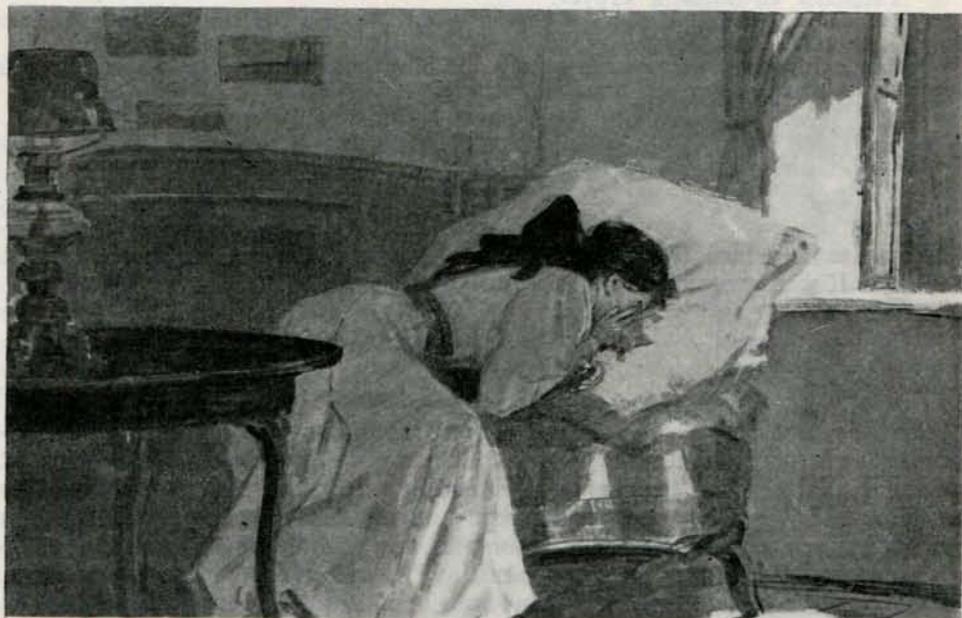

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ДОМ С МЕЗОНИНОМ»

Акварель Д. А. Дубинского, 1954 г.

Третьяковская галерея, Москва

Большое впечатление произвело в Петербурге ваше письмо в Академию³. О нем нет разногласия: все единодушно находят его чрезвычайно сдержанным и очень сильным. На днях в одном обществе, где был и Боборыкин, это письмо читали вслух. Маститый романист, говорят, чувствовал себя при этом не совсем ловко.

Мне бы очень интересно было, Антон Павлович, чтобы вы прочитали два моих рассказа: один в декабрьской книжке «Мира божьего», а другой в январе в «Журнале для всех»⁴. Если бы позволили, я прислал бы оттиски. То, что вы писали мне о рассказе «На покое», — очень верно, хотя и прискорбно для меня.

Кое-что, сообразно с вашим взглядом, я исправил, только этого очень мало и впечатление остается то же⁵.

Был здесь в Петербурге Федоров. Кажется, не повезло ему, бедному, с пьесами в этом году⁶. И это очень жаль. Он такой милый, искренний и пылкий человек и славный товарищ. И особенно меня трогает его глубокая привязанность к вам.

Знаю, что вы не любите, но не могу удержаться, чтобы не спросить: не пишете ли чего? Такой праздник, когда вас читаешь!

Ваш А. Куприн

6 декабря.

¹ 1 декабря 1902 г. Чехов писал Куприну: «Ваш подарок — обезьяна — великолепен, я только теперь рассмотрел его как следует и нахожу, что штука сия совсем хороша, художественна вполне. Большое вам спасибо!» (XIX, 377—378).

² См. прим. 1 к письму 10.

³ Письмо-заявление на имя председателя Отделения русского языка и словесности Академии наук А. Н. Веселовского от 25 августа 1902 г. — отказ от звания почетного академика в связи с аннулированием выборов М. Горького в академики. Это письмо Чехова было напечатано в зарубежном журнале «Освобождение» (Штутгарт), 1902, № 10.

⁴ Рассказы «Болото» и «Трус».

⁵ См. выше в статье «Чехов и Куприн» (стр. 365), а также письмо 6 и прим. 1 к нему.

⁶ Имеются в виду постановки пьес А. М. Федорова «Старый дом» и «Стихия» в Александринском театре, не имевшие успеха.

8

(ТЕЛЕГРАММА)

⟨Петербург. 5 января 1903 г.⟩

Поздравляем Новым годом. Желая счастья. 3 января жена родила девочку. К у п р и н

9

⟨Петербург. Начало января 1903 г.⟩*

Спасибо вам, многоуважаемый Антон Павлович, за ваше милое приветствие меня и жены с Новым годом¹. Если вы получили мою телеграмму, то знаете из нее, что 3 января у нас родилась девчонка. Она появилась на свет божий 8³/₄ фунтов весу и с самой монгольской физиономией. Теперь орет, спит и ест с невероятной жадностью, или, как говорит наша акушерка, «жакает». Ну, вот я и pater familias**, что и требовалось доказать. А назовем ее Лидией. Это имя мне не особенно нравится, но таково было желание покойной А. А. Давыдовой, не хотевшей и слышать о мальчишке².

Вас, вероятно, уже известили, что Комитет по устройству юбилея печати распался³. Сначала Плеве призывал Н. К. Михайловского, а Лопухин⁴ — Фальборка и Чарнолусского⁵, и — представьте! — Василия Ивановича Немировича и внушал им, что за всякое поползновение устроить банкет или что-нибудь напоминающее протест он будет уже не высылать, а ссылать. Потом к каждому из членов комитета явился поочередно очень вежливый околodочный с университетским значком в петлице и заявил буквально следующее:

— Его превосходительство, господин градоначальник, просили вас не беспокоиться о каких бы то ни было торжествах. Их не будет вовсе.

Так все и кончилось. Но все-таки, по-моему, такой конец лучше, чем то начало юбилея, которое было в Москве, когда журналисты упрекали друг друга в шантаже, вымогательстве, краже бильярдных шаров и т. д.

Подписка на журнал «Мир божий» идет великолепно сверх всякого ожидания. Уже теперь можно наверно рассчитывать на количество подписчиков больше семнадцати тысяч. Вы, конечно, догадываетесь, что члены нашей редакции давно подговаривают меня, дабы я написал вам слезницу... Но, — «ничего, ничего, молчание!..»⁶

Кончаю пожеланием вам и всем, кто дорог вашему сердцу, счастья, здоровья, удачи, веселья и мира на этот ⟨нрзб.⟩ 1903 год.

Весь ваш А. К у п р и н

* На последнем листе рукою Чехова красным карандашом проставлено: 1903, I.

** отец семейства (лат.).

¹ В письме Куприну от 30 декабря 1902 г. (XIX, 408).

² Лидия Александровна Куприна — старшая дочь Куприна (ум. в 1921 г.). — А. А. Давыдова — мать жены Куприна, умерла в марте 1902 г.

³ Юбилей двухсотлетия русской печати.

⁴ А. А. Лопухин — директор Департамента полиции.

⁵ Г. А. Фальборк и В. И. Чарнолуцкий — литераторы и общественные деятели по народному образованию.

⁶ Цитата из повести Гоголя «Записки сумасшедшего».

10

⟨Петербург.⟩ 10 февраля 1903

Посылаю вам, многоуважаемый Антон Павлович, мою книгу, только что вышедшую в «Знании»¹. Если она вам понравится, я буду счастлив, если же нет, то мне не будет ни обидно, ни стыдно, потому что следующую книгу я напишу лучше. На днях на одном вечере, посвященном исключительно вашим произведениям, я читал «Событие»². Меня сбили с толку: «Ванька» гораздо более нравится публике, которая к тому же любит слушать вещи, ею однажды уже слышанные, — но мне внушили читать именно «Событие». И покамест я читал о деревянной лошади, о жизни котят на даче, я чувствовал, что публика согревается, но трагический конец котят подействовал расхолаживающим образом. Тем не менее, как ни груба вообще наша публика, хотя бы и избранная, никто не засмеялся, когда лакей заявил, что собака съела котят, только внизу, подо мной, в оркестре пожарных музыкантов, кто-то хихикнул. Меня заставляли бисировать и хотя я раньше наметил на этот случай кое-что, но мысль, что я именно вас представил не так, как бы мне хотелось, до того удручила меня, что я больше не читал. Успех вечера был большой и очень теплый, душевный. У меня сохранилась одна программа, чрезвычайно изящно исполненная. Не прислать ее вам?

Если вам не лень, напишите о себе, о своем здоровье, о том, где будете весной? Это последнее меня интересует потому, что думаю весной быть в Крыму — очень бы хотелось вас хоть бы на минутку увидеть³.

Ваш А. Куприн

¹ 9 февраля 1903 г. вышла в свет книга рассказов Куприна в издании т-ва «Знание». См. о ней выше, стр. 368.

² Куприн выступил с чтением рассказа Чехова «Событие» на литературном вечере в Институте гражданских инженеров в Петербурге, 27 января 1903 г.

³ Куприн жил в Крыму, в Мисхоре, в марте и апреле 1903 г. и встречался с Чеховым.

11

⟨Петербург. 19 апреля 1903 г.⟩

На днях, дорогой Антон Павлович, я отослал вам 75 р., которые взял у вас на дорогу. Надеюсь, вы их уже получили. Остается еще за мною мелочь за телеграмму, но это, с вашего позволения, я думаю можно отнести в долгосрочный кредит?

В редакции¹ на меня накинута с расспросами: успел ли я в моем ходатайстве перед вами относительно какого-либо из ваших будущих произведений. Я ответил, что повесть вы обещали дать наверно, но срока никакого не положили; относительно же пьесы не сказали ничего определенного. Надеюсь, что против такого ответа вы ничего не имеете?

Вчера Ф. Д. Батюшков и я заезжали к Ольге Леонардовне (Мойка, 61), но, к сожалению, не застали ее дома². Я однако написал на карточке, что привез поклон из Ялты. Может быть, удастся еще повидать О. Л. перед ее отъездом (театр уезжает 23—24 апреля) у нее дома или на обеде, который петербургские журналисты собираются устроить у Контана в честь труппы Художественного театра.

Петербург кислый и мокрый. Говорят больше всего о кишиневском погроме³ и о спектаклях Художественного театра⁴. А у нас в Мисхоре теперь уж наверно ловятся бычки и кефаль!

Жена шлет вам сердечный привет. Она только что видела «Дядю Ваню» и вернулась из театра в полном восторге.

Желаю вам всякого счастья.

Ваш А. Куприн

1903, 19 апреля. СПб.

¹ В редакции журнала «Мир божий».

² О. Л. Книппер-Чехова была в Петербурге во время гастролей Московского Художественного театра с 5 по 24 апреля 1903 г.

³ Имеется в виду организованный черносотенцами еврейский погром в Кишиневе.

⁴ На петербургских гастролях Московского Художественного театра были поставлены пьесы: «На дне» и «Дядя Ваня». Было организовано еще чеховское утро в пользу Литературного фонда.

Дорогой Антон Павлович!

Ф. Д. Батюшков заинтриговал меня вашим письмом. Зная, что вы никогда напрасно не говорите и всегда попадаете в самую точку, мне остается только стогать от нетерпеливого любопытства¹ (фраза вышла в прутковском стиле). Что имеете вы приятного для меня? Напишите поскорее, будьте благодетелем!

У нас белые ночи. Знаете ли, Антон Павлович, даже мне иногда гнусно становится, так они раздражают. Час ночи, а светло, как днем, люди по улицам ходят, точно утром после попойки или точно весь Петербург заболел бессонницей, ляжешь в постель, и все думаешь, что уже время вставать. Зато острова прекрасны. Зелень такая сочная, мокрая, яркая, и всё в воде вверх ногами.

Мы с женой были как-то в цирке и видели номер, который называется The Looring of Loop **. Представьте себе такого рода петлю: ⟨см. стр. 391⟩. Она составлена из досок и в середине завивается спиралью, а по ней вдоль нарисована черная черта. Ширина ее — аршин. Начало на высоте сажень 6-ти, а диаметр спирали — 3 саж. И вот по ней с самого верха катит на велосипеде американец. Один момент он находится в таком положении, что голова его смотрит вниз, а ноги вверх. Но всего сильнее действуют на зрителей приготовления к этому номеру. Просят публику не шуметь, не аплодировать и не кричать. Потом выходит американец. Он одет очень просто: коричневый велосипедный костюм, темная жокейская шапочка, на руках черные перчатки. Он долго и тщательно проверяет установку всего инструмента и шаг за шагом выходит на самый верх, где скрывается в маленькой темной дверце под самым куполом. Через минуту из этой дверцы начинает что-то поблескивать, это руль машины. Этот момент, должно быть, нарочно длят, и он самый жуткий. Внимание так напрягается, что секундами глаза почти перестают видеть. И вдруг американец на велосипеде появляется из дверцы, с грохотом летит вниз по наклону градусов в 60, в какую-нибудь четверть секунды описывает круг, — и все кончено. Трудно передать восторг и рев публики. Конечно, в наше просвещенное время стыдно признаваться в любви к цирку, но у меня на это хватает смелости.

Будьте добры, Антон Павлович, передайте мой сердечный привет глубокоуважаемой Ольге Леонардовне. Жена очень жалеет, что так и

* Рукою Чехова карандашом проставлено: «1903, V».

** «Мертвая петля» (англ.).

Дорогой Алексей Николаевич!

В. З. Сентиментальность заставила меня написать вам письмо, так же как и всегда, и вдобавление к тому, что вы писали в своем письме, еще и к тому, что вы писали о себе и о своем (прозе и поэзии) в своем журнале и в журнале. Это письмо не имеет никакого значения? Конечно, не имеет, но мне хотелось бы написать!

Я не знаю, как вы чувствуете, Алексей Николаевич, да же как вы чувствуете, так же как и всегда, и вдобавление к тому, что вы писали в своем письме, еще и к тому, что вы писали о себе и о своем (прозе и поэзии) в своем журнале и в журнале. Это письмо не имеет никакого значения? Конечно, не имеет, но мне хотелось бы написать!

спрашиваю. Если вы не хотите, то не пишите, но если вы хотите, то пишите, и я буду рад ответить.

It is really true that you have written a book on the subject of the "Looking # of Loop" and I am sure that you will find it very interesting.

One conclusion you draw is that the "Looking # of Loop" is a very interesting subject, and I am sure that you will find it very interesting. I am sure that you will find it very interesting.

Письмо не было совсем закончено, и я не успел его отправить. Прочитав письмо, я был очень рад, и мне хотелось бы написать вам еще и к тому, что вы писали о себе и о своем (прозе и поэзии) в своем журнале и в журнале. Это письмо не имеет никакого значения? Конечно, не имеет, но мне хотелось бы написать!

В. З. Сентиментальность заставила меня написать вам письмо, так же как и всегда, и вдобавление к тому, что вы писали в своем письме, еще и к тому, что вы писали о себе и о своем (прозе и поэзии) в своем журнале и в журнале. Это письмо не имеет никакого значения? Конечно, не имеет, но мне хотелось бы написать!

не успела с О. Л. познакомиться во время ее пребывания в Петербурге² и винит в этом меня. А я просто был не уверен, помнит ли меня О. Л.; правда, я убедился в этом после оказанного мне милого приема, но тогда было уже поздно, О. Л. на другой день уехала в Москву.

Не знаю, застанет ли вас мое письмо в Москве. Я слышал, что вы едете в Швейцарию³. Желаю здоровья и «добрého гумбру».

Ваш всем сердцем А. Куприн

¹ В письме Ф. Д. Батюшкову от 23 мая 1903 г. Чехов писал: «Александр Ивано-вичу поклонитесь и скажите, что я напишу ему тотчас же, как только узнаю свой летний адрес. У меня есть для него кое-что приятное» (XX, 99). Что имел в виду Чехов, не выяснено, так как ближайшее письмо его Куприну неизвестно.

² См. прим. 2 к письму 11.

³ Чехов предполагал поехать летом 1903 г. в Швейцарию, но провел лето на даче под Москвой.

13

⟨Петербург.⟩ 18 октября 1903 г.

Многоуважаемый Антон Павлович.

Самая лучшая и самая дорогая гостиница — это Европейская (угол Невского и Михайловской), но — предупреждаю — цены самые зверские. Несколько дешевле и все-таки очень респектабельна — Английская гостиница на Исаакиевской площади. Там все на английский лад: «брекфасты», «ленчи», «фейфоклоки». Там останавливается проездом из Мадрида на Шпицберген неувядаемый Вас. Ив. Немирович-Данченко.

Если приедете в Петербург¹, пожалуйста, не забудьте, что своим посещением вы доставите много радости Марии Карловне. О себе уже не говорю.

Ваш А. Куприн

¹ В Петербурге осенью 1903 г. Чехов не был.

14

⟨Петербург.⟩ 1 января 1904 г.

Дорогой Антон Павлович.

Тысячу раз благодарю вас, что вспомнили обо мне. Сегодня, в первый день Нового года (и притом года, начавшегося при самых кислых предзнаменованиях), ваше письмо было для меня настоящим праздничным подарком — так оно меня растрогало и обрадовало¹. Поздравляю вас с Новым годом! От всей души желаю вам провести его бодро, легко и счастливо. Одним словом — «желаю, чтоб...», как говорит одно известное вам лицо².

У меня, правда, был тиф, брюшной, и даже с рецидивом, но это совсем пустяшная болезнь, досадно только, что человека, находящегося в здравом уме и твердой памяти, притом с нормальной температурой и с собачьим аппетитом, заставляют чересчур долго лежать в постели и кормят бульоном. Но утешаюсь, что, выздоровев, стану кудрявым, как первый любовник в светской комедии на Конотопском театре.

Пожалуйста, Антон Павлович, не поленитесь написать мне, когда вы приедете в Петербург, о чем я уже давно слышу. Если скоро, то, так как мне очень бы хотелось успеть хоть на минутку увидеть вас в Петербурге, я замедлил бы свой отъезд. Если же вы еще долго останетесь в Москве³, то я, заехав туда дня на два, успел бы побывать у вас, а также и посмотреть

«Вишневый сад». Прошу вас, пожалуйста, уведомьте меня, а то я боюсь, когда увижу вас, потому что в Крыму летом не буду и вообще начинаю кочевую жизнь.

Передайте Ольге Леонардовне мои пожелания всяких земных благ. Жена и дочка поздравляют вас и О. Л. с Новым годом.

Ваш А. Куприн

¹ В письме Куприну от 31 декабря 1903 г. Чехов поздравил его с Новым годом и просил сообщить о здоровье, так как до него дошли слухи о болезни Куприна.

² О ком идет речь — не выяснено.

³ Чехов пробыл в Москве с 4 декабря 1903 г. до 15 февраля 1904 г.

15

⟨Москва. 15 января 1904 г.⟩

Многоуважаемый Антон Павлович!

Я все-таки приехал в Москву на «Вишневый сад»¹ как по собственному почину, так и по поручению редакции. Я один. Ужасно прошу вас: пригните меня куда-нибудь на 1-е представление², — куда угодно — от верхнего ряда галереи до глубины суфлерской будки.

Ваш А. Куприн

Р. S. Я потому прошу непременно на первое представление, что к 21-му должен послать статью³.

Визитная карточка.

¹ Куприн приехал в Москву 15 января 1904 г.

² На первое представление пьесы Чехова «Вишневый сад» в Московском Художественном театре 17 января 1904 г.

³ Статью о спектакле «Вишневый сад» для журнала «Мир божий». Статья эта не была написана, так как Куприн не смог быть на премьере «Вишневого сада» (см. ниже письма 16 и 17).

16

⟨Москва.⟩ 16 января 1904 г.

Многоуважаемый Антон Павлович!

По некоторым неотложным делам я должен был внезапно уехать в Сергиев Посад и потому извиняюсь, что не был в назначенное вами время в театре¹. К моему великому огорчению, я не в состоянии быть на первом представлении. Я об этом телеграфировал третьего дня в редакцию, просил уведомить Федора Дмитриевича², что его присутствие на спектакле очень желательно.

Ваш слуга А. Куприн

¹ Куприн узнал от находившихся в Москве Горького и Пятницкого, что второй сборник «Знания» на днях сдается в набор. Ему пришлось выехать немедленно в Сергиев Посад (ныне г. Загорск) для работы над рассказом «Мирное житие», который должен был печататься в этом сборнике (Э. М. Ротштейн. Материалы к биографии А. И. Куприна — в кн.: «А. И. Куприн. Забытые и несобранные произведения». Пенза, 1950, стр. 286).

² Ф. Д. Батюшкова.

17

⟨Петербург. Май 1904 г.⟩*

Дорогой Антон Павлович!

Разве может быть какой-нибудь разговор о том, что я рассердился? Ни капельки. Мне просто послышалось, что вы предложили мне балкон, а я несколько близорук и не особенно остро слышу, — для меня многое бы

* Рукою Чехова карандашом проставлено: 1904, V.

пропало, а потому я и решил пойти уже не для отзыва, а для самого себя когда-нибудь в другой раз, тем более, что меня действительно тогда отозвали в Троицу по очень интересному и важному для меня делу. Если же я и досадовал, то на обстоятельства. Видел вас расстроенным, взволнованным, скучным, — измученным постановкой «Вишневого сада». Ольга Леонардовна, которой, по ее словам, приходилось в это время быть буфером между автором и режиссером, тоже находилась не в очень приятном расположении. А тут я еще пристал с просьбой о месте, — главное, с просьбой, с которой вам, вероятно, до меня надоедали сотни знакомых, из которых каждый, конечно, думал, что именно для него-то вы и похлопочете. Словом, я сердился на самого себя, что попал не вовремя, да еще имел бестактность настаивать. Вот и все.

Очень хотелось мне писать о «Вишневом саде»! Именно потому, что это ваше. Может быть, я это сделал бы не так основательно, как присяжные театральные критики, но знаю, что писал бы с большой любовью и с нежной осторожностью. А тут, точно назло, так сложились обстоятельства, что я даже в Петербурге никак не мог попасть на «Вишневый сад». Положительно: все ваши пьесы видел — и маленькие, и большие, даже монолог «О вреде табака» читал в Коломне, в клубе¹, а «Вишневый сад» пропустил. Пропустил потому именно, что в последнее время жена нездорова, у нее идет часто кровь горлом. Осенью доктора велют ехать в Крым.

Жду теперь с нетерпением II тома «Сборника», чтобы прочитать вашу пьесу². Скажу вам, что многое из нее входит уже в разговорную речь. Был я недавно на Волхове в одном запущенном старом дворянском гнезде. Хозяева разоряются и сами над собой подтрунивают: «у нас „Вишневый сад“!»

Был бы очень вам признателен, Антон Павлович, если бы вы не читали — ни моего рассказа в «Мире божьем», ни рассказа во II томе «Сборника»³. Оба они жидкие рассказы.

Видел я И. А. Бунина. Он теперь, должно быть, в Москве. Если увидите его, попросите рассказать о путешествии с Найденовым в Ниццу и особенно о венских впечатлениях. Только не выдавайте меня, так как я связан обетом молчания.

Прошу передать поклоны от Марии Карловны и от меня — Ольге Леонардовне и Марии Павловне. Крепко жму вашу руку.

Ваш А. К у п р и н

Р. S. На войну меня взять не могут, я в отставке, но корреспондентом, тысячи на полторы в месяц, я бы сейчас же поехал.

Ответ на письмо Чехова от 5 мая 1904 г. (XX, 280—281): «Милый Александр Иванович, мне передавали, что вы сердитесь на меня за то, что я не дал вам билета на „Вишневый сад“ (17 января) или пообещал место, которое показалось вам чуть не галерей. Уверяю вас честным словом, у меня до последнего момента хранился для вас билет 2-го (или даже, кажется, 1-го) ряда, что я ждал вас и очень пожалел, когда мне сказали, что вы уехали в Троицкую лавру по какому-то делу, внезапно вас туда потребовавшему. Галерея я не мог предложить вам, я мог предложить только партер или место в первом ряду бель-этажа.

Я приехал в Москву, нездоров! Собираюсь читать ваш рассказ в „Мире божьем“. Не собираетесь ли вы на войну? Может ли случиться, что вас возьмут туда? Крепко жму руку, будьте здоровы и благополучны. Ваш А. Ч е х о в» (XX, 280—281).

¹ В сентябре 1901 г. Куприн был в Коломне, где на вечере в местном клубе читал водевиле Чехова «О вреде табака».

² «Вишневый сад» был напечатан во втором сборнике т-ва «Знание» (вышел в свет в конце мая 1904 г.).

³ Рассказ «Норь» в № 4 «Мира божьего» 1904 г. и рассказ «Мирное житие» во втором сборнике «Знание».